

INSPIRIA

ТАКЭСИ СИОТА

ГОЛОС ГРЕХА

推理

СЮЖЕТ ОСНОВАН НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ
РОМАН ПРОЧИТАЛ КАЖДЫЙ 100-Й ЖИТЕЛЬ ЯПОНИИ

INSPIRIA

Такэси Сиота
Голос греха

Tsumi no koe © 2019 Takeshi Shiota.

© Лазарева Д.С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство
«Эксмо», 2021

Пролог

Низкий гул, звучащий словно в самом сердце, заглушил посторонние звуки.

Ткань, которую он разложил на гладильной доске, была спокойного серого цвета и чуть блестела. Взяв распылитель с водой, Сонэ Тосия, окидывая взглядом состояние ткани, несколько раз сбрызнул ее.

Обтягивающий грудь, зауженный в талии – костюм для упорного и в то же время скромного мужчины. Настоящий британский стиль. Многие клиенты отдавали предпочтение легким и удобным итальянским костюмам, но для Тосии самыми изысканными оставались не подвластные моде «англичане».

Он взялся за деревянную ручку парового утюга, которая от въевшейся в нее грязи приобрела коричневатый оттенок, и стал водить им по куску необходимой для изготовления одного костюма ткани размером 3,2 метра. «Усадка» – это распрямление материала, полученного из оптовой фирмы, первый этап в процессе изготовления костюма. Паровой утюг, использовавшийся еще с давних времен, с помощью шланга был соединен с маленьким резервуаром с водой.

Гладильная доска была вакуумного типа: впитывая тепло и пар, она сохраняла ткань ровной и гладкой. Подобно внезапно включающемуся среди ночи холодильнику, доска начинала гудеть, моментально поглощая окружающие звуки. Уличный шум совершенно не проникал внутрь мастерской.

Видя перед собой всего лишь цельный кусок ткани, представлять силуэт будущего костюма – наслаждение для портного, его привилегия. В последнее время появились ателье, небрежно относящиеся к подготовительному этапу, но для Тосии «усадка» была не хлопотной обузой, а процессом первостепенной важности.

Через час, прогладив ткань с лицевой и изнаночной стороны, он перекинул ее через вешалку-перекладину. Выключив утюг, похлопал себя по пояснице. Хотел было передохнуть, но, забеспокоившись о том, все ли в порядке в ателье, которое он на некоторое время оставил без внимания, покинул мастерскую и прошел туда.

Окинул взглядом пустое ателье. Площадь в 25 цубо^[1] – вполне достаточно для фирмы, управляемой индивидуальным предпринимателем. На витрине и в центре ателье были развешаны костюмы и образцы тканей, а по обеим стенам с восточной и западной сторон выставлено около тысячи их видов.

На смартфоне, оставленном на прилавке, мигал зеленый огонек, извещающий о получении сообщений по электронной почте. Среди переполнявшего ящик «Входящие» рекламного мусора бросилось в глаза письмо с темой «Просьба». От мамы.

Вечером Тосия должен был навестить маму, и в этот раз она попросила его принести альбом и фотографии. Может быть, будет разбирать их? Он представил себе мать, у которой имелось слишком много свободного времени, и по его губам пробежала легкая улыбка. Отправив короткий ответ, посмотрел на высветившееся на экране время. Начало третьего. До вечера еще есть время. Но Тосия привык решать текущие вопросы сразу же, иначе потом не мог сосредоточиться на работе. Такой уж у него характер. Он опять вернулся в матерскую и поднялся на второй этаж.

Прошло 33 года с тех пор, как его отец Мицуо открыл в жилом квартале северной части Киото ателье «Костюмы на заказ Сонэ». Тосия с трехлетнего возраста жил в этом доме, служившем одновременно ателье. Каждый раз, когда он слышал, как сильно скрипит лестница, как бы тихо он ни старался наступать на ступени, или видел неудобный тесный туалет, он чувствовал древность и дряхлость, которые невозможно было скрыть.

В период бурного экономического подъема^[2] вдоль главной улицы, проходившей рядом со станцией, выросли спроектированные знаменитыми архитекторами элегантные здания,

которые в качестве фирменного знака престижных районов неоднократно украшали первые страницы местных журналов, в то время как старые здания и магазины исчезали, подобно зубам, выпадающим из слабых десен. Но ателье «Костюмы на заказ Сонэ», как качающийся маятник, оставалось неподвластно времени: оно не пыталось соответствовать новым веяниям и в то же время сумело выжить.

Тосия, скрипя половицами, поднялся на второй этаж. Его тут же обдало волной настолько горячего воздуха, что он начал задыхаться и моментально покрылся потом. Тосия родился и вырос в Киото, поэтому не придирался к его климатическим особенностям, но все же с нетерпением ждал окончания лета.

Комната матери располагалась в конце коридора, шедшего от лестницы. Тосия открыл тонкую дверь: в комнате было еще жарче, и он не смог сдержать раздражения. Включив свет, нажал кнопку «Пуск» на висевшем рядом пульте. Сонно загудел кондиционер. Сложив руки веером, Тосия направил на лицо струю спасительного воздуха-ветра и еще раз оглядел простую и аккуратную комнату.

Четыре дня назад за едой мать начала кашлять кровью. Тосия отвел ее в гостиную, а жена Ами сразу же позвонила на номер 119^[3]. Забеспокоившись при виде необычно встревоженных родителей, двухлетняя Сиори зарыдала, и завтрак превратился в поле битвы. Как ни странно, наиболее спокойной осталась сама больная, проявившая необыкновенную твердость, утешая Сиори и отгоняя от нее сына.

После обследования был поставлен диагноз «язва желудка» и назначено двухнедельное лечение в больнице. Вспомнив, как неожиданно скончался от субарахноидального кровоизлияния отец, Тосия не на шутку встревожился, но, когда врач заверил его в том, что жизни матери ничего не угрожает, немного успокоился.

Фотоальбом, за которым он пришел, должен был лежать в ящике телефонной тумбочки; правда, сейчас на ней стоял аудиоплеер. Тосия, наклонившись, выдвинул нижний и самый большой ящик. В

нем лежали большие коричневые конверты, ножницы, которыми пользовался отец, пуговицы, шариковые ручки. Вероятно, все это было оставлено в память об отце, но находилось в не свойственном матери беспорядке.

И тут Тосия увидел в глубине тонкую картонную коробку, сильно смятую и потерявшую форму. Подумав, что в ней могут быть отцовские рабочие инструменты, он взял ее в руки. Однако, открыв квадратную крышку, увидел кассету и черную кожаную тетрадь, лежащие в прозрачном пластиковом контейнере.

– Это еще что такое? – удивленно произнес Тосия, открыв тетрадь.

Выгоревшие листы были исписаны по-английски. Темно-синие чернила указывали на то, что, скорее всего, использовалась авторучка. Тетрадь выглядела довольно старой. Какая связь может быть между отцом, который всю свою жизнь был портным, и этим английским текстом?

Тосия попытался что-то прочесть, но тут было слишком много непонятных слов, а длинные предложения словно имели целью запутать читателя, поэтому решимость его быстро угасла. И хотя Тосия сгорал от нетерпения узнать, о чем же там написано, до вечера он вряд ли управился бы.

Вместо этого Тосия решил послушать кассету. Тем более что прямо перед ним стоял старый плеер. Верхняя половина кассеты была белого цвета, нижняя – зеленого: напоминание об эпохе Сёва^[4]. Белая часть, похоже, предназначалась для надписи, но та отсутствовала.

Тосия поставил кассету стороной А и нажал кнопку воспроизведения. Раздался неприятный звук, а затем послышался шум. Заговорили двое – мужчина и женщина. Тосия сразу определил, что мужской голос принадлежал отцу. Ласковый женский голос вкрадчиво похвалил зажигалку отца. Громко зазвучало вступление к популярной японской песне, слышались аплодисменты и звуки бубна.

Происходило это, по всей видимости, в баре. Когда отец был в хорошем расположении духа, он брал с собой в бар еще маленького Тосию, и тот высказывал хозяйке все свои жалобы, о которых молчал дома. Нахлынули воспоминания, Тосия расслабился.

На мгновение звук прервался, и раздался голос поющего мальчика: «Я, я засмеюсь...»

– А, Кадзами Синго^[5], – улыбнулся Тосия. Несмотря на детский голос, он понял, что тот принадлежал ему.

Продолжилось неуверенное пение, сопровождавшееся женскими возгласами и звуками бубна. Временами оно прерывалось, но в целом было довольно вдохновенным. По окончании «певцу» был оказан теплый прием, и на этом запись закончилась.

Тосия вспомнил, что в то время у отца были короткие волосы. В последние годы его жизни в них была заметна седина, но тогда ему было, наверное, лет тридцать. Тосия подумал, что время от времени отец, должно быть, слушал эту кассету. Перед ним всплыло лицо Сиори, и защемило сердце.

Он уже собрался вытащить кассету, как опять раздался неприятный треск, а затем: «Авто-бусная остановка, Дзё-нангу, скамейка...»

Это тоже был его детский голос, тот же, что исполнял песню Кадзами Синго.

– «В направлении Киото проехать по линии Итиго... два километра, автобусная остановка, Дзёнангу, скамейка, сесть сзади...»

Запись оборвалась.

– Это еще что?

Опять – так же, как и когда он просматривал тетрадь – его пронзило странное чувство; видимо, сказывалось почти полное отсутствие посторонних шумов. Ему почудился какой-то тихий звук, но шел ли он откуда-то с улицы, или его издавала поврежденная кассета, понять было невозможно. Во всяком случае, Тосия совершенно не помнил, чтобы на записи могло быть что-то подобное.

Слово «дзёнангу» тут же превратилось в название синтоистского храма в Фусими^[6]. «Скамейка, сзади» – задняя часть скамейки на ближайшей автобусной остановке. Поначалу Тосия решил, что эта запись – часть детской игры в кладоискателей, но его не оставляло ощущение, что голос звучит неестественно и записан так явно специально. По крайней мере, обычным желанием запечатлеть милые детские фразочки здесь и не пахло.

Тосия быстро прокрутил кассету в ускоренном режиме, чтобы убедиться, не записано ли на ней что-то еще, но больше ничего не было. Он еще раз перелистал страницы черной кожаной тетради, размышляя о том, что, наверное, слишком серьезно к этому отнесся...

«Гинга» «Мандо»

Неожиданно наткнувшись на эти слова, Тосия замер. На последнем развороте обнаружили надписи на японском языке. На левой странице – «Гинга», на правой – «Мандо». Оба – известные в Японии производители кондитерских изделий. Аккуратно были обозначены выручка, количество сотрудников, имена президентов обеих компаний. А это-то здесь зачем и почему?.. Короче, ничего не поймешь, пока не прочитаешь предшествующий английский текст.

Однако когда он закрыл тетрадь, в его памяти всплыло дело «Гин-Ман». Это было нашумевшее дело, охватившее район Кансай^[7], когда Тосия был ребенком. Он и сейчас ясно помнил портрет мужчины с лисьими глазами. Отец и английский текст, английский текст и производители кондитерских изделий, отец и производители кондитерских изделий... Ни одно из этих сочетаний не имело никакого смысла. Существует ли какая-то связь между тетрадью и кассетой?

Благодаря кондиционеру вспотевшая спина охладилась.

Совершенно забыв про альбом, который просила мать, Тосия с зажатой в руках тетрадью выбежал из комнаты. Спустившись по скрипящим ступеням лестницы, вернулся в мастерскую и, открыв

дверь, тут же прошел в ателье. Бросился к стоящему на стойке массивному ноутбуку и быстро заработал мышкой.

Вбив в поисковике дело «Гин-Ман» и кликая на появившиеся ссылки, Тосия пробежал глазами по тексту. Похоже, что это дело было значительно более запутанное, чем он думал.

Тосия считал, что все ограничилось лишь подбрасыванием на полки магазинов сладостей с добавленным в них ядом, но оказалось, что это переросло в серьезное происшествие, начавшееся с похищения главы компании «Гинга», за которым последовал масштабный шантаж производителей продуктов питания и кондитерских изделий. Примерно через полтора года после похищения главы компании преступная группировка объявила о прекращении преследования кондитеров и исчезла. А в феврале 2000 года дело о череде преступлений было полностью закрыто по истечении срока давности.

Вдруг палец Тосии, прокручивавший экран, застыл.

«Для контактов с потерпевшими компаниями преступниками использовались кассеты с записями женских и детских голосов».

Сердце Тосии учащенно забилось, по коже пробежал мороз, а потом в ней словно открылись все поры. Компьютерная мышь в ладони тут же стала скользкой от пота.

Чтобы услышать кассету, которую использовали преступники, он прошерстил кучу сайтов. До сих пор, хотя с того времени прошел 31 год, в Сети хранилось большое количество подобных материалов. Однако то, что он искал, никак не попадалось, и раздражение в нем усиливалось. Наконец шестой по счету открылась какая-то документальная программа. Зазвучала запись голоса мальчика, используемая для шантажа производителя продуктов питания «Хоуп».

– «В направлении Киото проехать по линии Итиго... два километра, автобусная остановка, Дзёнангу, скамейка, сесть сзади».

Тосия, как одержимый, снова и снова прокручивал эту запись. Может быть, все-таки будет какое-то отличие? Он неотступно думал

об этом, продолжая нажимать на воспроизведение. Однако и текст, и внешние звуки были абсолютно одинаковыми. По мере того как Тосия прослушивал запись, подозрения перерастали в уверенность.

Не обращая внимания на льющийся со лба пот, он возвел глаза к небу.

Это был его собственный голос.

Глава 1

1

Звучал низкий, мрачный смех.

Трое взрослых подуставших мужчин приличного возраста, одетых в костюмы, сидели в ряд на диване, устремив глаза на телевизор. На экране корчился от боли студент, вывихнувший палец, ударившись им о дверь собственного дома. Подбежавшая к нему взволнованная бабушка вывихнула палец, ударившись им о спину внука.

В комнате опять раздался мрачный смех. Одним из тех, кому он принадлежал, был Акуцу Эйдзи, который, пытаясь сдерживаться, делал заметки.

Телевизионная компания в Осаке. В глубине этажа, на котором располагался рекламный отдел, словно тайная комната, затерялось помещение для журналистов. Туда приходили и сотрудники отделов культуры общенациональных газет, такие как Акуцу, но в основном собирались журналисты из спортивных изданий, пишущие о жизни звезд. Вот и сейчас находившиеся слева от Акуцу двое мужчин были коллегами из спортивных газет.

– Тацута-сан-то как хороша...

Это со своей обычной улыбкой произнес коротко стриженный мужчина из рекламного отдела; их основной обязанностью был контроль за написанием текстов журналистами.

– Да... лет пятнадцать назад она была чертовски привлекательна.

– А сейчас жалкое зрелище, не так ли? Но эта роль неожиданно может оказаться для нее перспективной, – стараясь не обидеть собеседника, возразил репортер из спортивной газеты. Тацута, о которой шла речь, была актрисой, исполнявшей роль бабушки, вывихнувшей палец, и Акуцу тоже помнил, какой она была пухленькой.

Уже шла последняя декада августа. На октябрь было запланировано начало показа ночного комедийного сериала, и сейчас в комнате проходил первый закрытый просмотр отснятого

материала. Правда, журналистов собралось всего ничего – как раз эти трое мужчин, сидевших на диване.

Ну, вроде на двадцать пять строчек материала получается...

Акуцу придумал оставшиеся две, и теперь в его голове окончательно оформился текст материала, состоящий из четырех абзацев. Оставалось попросить прислать по электронной почте рекламные фотографии. Он уже решил, что сразу поедет домой, а по пути съест говяжью котлету под пивко в своем любимом ресторанчике европейской кухни...

Журналист протянул руку за стаканом с холодным зеленым чаем, стоящим на низком столике, и в этот момент в его сумке, лежащей на полу, завибрировал смартфон. На экране высветилось «Отдел культуры». Извинившись, Акуцу встал и, выходя, провел пальцем по экрану.

– Прошу прощения за беспокойство...

Звонил заведующий отделом шоу-бизнеса Томита. Он был просто потрясающим начальником и никогда не выказывал свое превосходство. Всегда в хорошем настроении, независимо от того, пил он алкоголь или нет, готовился ли опубликовать сенсационную новость или, наоборот, его кто-то опережал.

Выйдя из комнаты, Акуцу спросил:

– Что-то случилось?

– Тут звонил Тории-сан...

Услышав это имя, Акуцу приложил правую руку ко лбу, физически и морально готовясь к тому, что Томита скажет дальше. Тории заведовал отделом происшествий, и его имя всплывало в первую очередь, когда в редакции заходила речь о криминальных репортажах.

– Он просил немедленно прийти в отдел городских новостей.

Слова, которые и ожидал услышать Акуцу, прозвучали неуверенно.

– Алло, ты меня слышишь? – В голосе Томиты ясно слышалось сочувствие.

– А что, нужен именно я? Может быть, кто-то другой свободен...

- Он назвал тебя.
- И что, других вариантов нет?
- Нет. Пока.

В том, как ловко он закончил разговор, не было уже никаких признаков недавнего сочувствия. Вздохнув, Акуцу в гневе дернул дверную ручку.

* * *

Когда Акуцу вернулся с телевидения в отдел культуры газеты «Дайнити», Томиты уже не было. Шеф – образец соблюдения норм, предписанных Министерством здравоохранения, труда и благосостояния в отношении ухода с работы, когда все дела закончены, – привлекателен для подчиненных. Но когда у тебя возникает сильное желание пожаловаться, а кресло начальника пустует, это вызывает разочарование. Акуцу, положив сумку на свое место, вышел из комнаты.

Отдел культуры находился этажом ниже остальных отделов редакции. Из-за того, что в обычное время его сотрудники были ограждены от надутых физиономий грозных начальников и постоянного ора накануне дедлайнов, каждый раз, поднимаясь по этой покрытой линолеумом лестнице, Акуцу чувствовал стресс. Сейчас он машинально щелкал ручкой, которую держал в руке.

Помимо отдела городских новостей, на верхнем этаже располагались экономический, спортивный и финансовый отделы, и, хотя формально они были разделены, между ними отсутствовали перегородки, и все пространство было переполнено суетливо снующими людьми. Акуцу работал здесь 13 лет. И все эти годы, когда перед ним возникала эта картина, у него постоянно возникало желание побыстрее вернуться домой.

Акуцу робко направился в отдел городских новостей, располагавшийся ближе всех ко входу. Приветствуя взглядом коллег,

занятых телефонными интервью и копированием, он замедлил шаг, подходя к Тории, который, сидя на диване, обсасывал сушеного кальмара. Волосы его были разделены старомодным пробором, что часто можно увидеть на черно-белых фотографиях. И в том, что касается профессиональной этики, он тоже застрял в прошлом.

– Что-то ты поздно...

Без тени улыбки Тории достал изо рта сушеного кальмара. А когда Акуцу в свою очередь приветливо улыбнулся, показал кончиком кальмара в направлении переговорной.

С восточной и западной сторон этажа было по одной переговорной. Акуцу с Тории вошли в комнату меньшего размера, которой в основном пользовались сотрудники отдела городских новостей. Кроме стоявшего посередине длинного стола, внутри были лишь стулья и белая доска, а из-за отсутствия окон было душно, как в комнате для допроса.

Включив свет, Тории сел на стул напротив Акуцу.

– Сериалом занимаешься? – Опять кладя в рот сушеного кальмара, он бросил перед Акуцу скрепленные степлером листы А4.

– Пока только смотрел видео в пресс-центре.

– Материал получится?

– Ну, наверное...

– Да... Хорошая у тебя работа! Это все, что ты сделал сегодня?

Такого рода едким замечаниям Акуцу нередко подвергался во время совместных ночных дежурств. В связи с появлением термина «харассмент» даже начальство стало избегать слишком прямых высказываний, но Тории продолжал плыть против течения. Он относился к типу людей прошлой эпохи, опьяненных собой.

Акуцу, не дав вразумительного ответа, опустил глаза на листы бумаги, лежавшие перед ним. Заголовок на первом листе гласил: «Обитатели бездны (временное название)».

– Итоговый проект года. Проще говоря, специальный выпуск нераскрытых дел эпох Сёва и Хэйсэй^[8].

Было указано планируемое количество публикаций (5–10), а внизу написано: «Дело “Гин-Ман”. Правда через 31 год». У Акуцу появилось неприятное предчувствие.

– Осацкая главная редакция займется делом «Гин-Ман».

– «Гин-Ман»?

Глядя на просматривающего план Акуцу, Тории, подавшись вперед, произнес:

– Ну как? Интересно ведь, правда?

– Нет... По-моему, это ужасно.

– Именно. Ужасно. Настолько, что хочется попросить помощи не только у кошки, но и у иваси^[9]. Поэтому я и хочу подключить тебя к этому делу.

– Подождите! Я же ниже, чем иваси.

Акуцу поднял голову, чуть было не сказав, что это не шутка. Для «изнеженного человека» заниматься таким крупным делом под руководством Тории – настоящая катастрофа.

– Но... у меня сейчас много другой работы...

– Хочешь сказать, что занят?

С самого начала работы в редакции Тории не вылезал с мест происшествий и, пройдя через позицию руководителя группы репортеров, работавших в полиции префектуры Осака, занял пост редактора отдела происшествий в отделе городских новостей. Наверное, немного найдется людей, которые смогут сослаться на занятость перед подобным человеком. В комнате, которая окончательно превратилась в допросную, Акуцу молчал, воспользовавшись правом не отвечать на вопросы.

– Нечего молчать. Я уже поговорил с Томитой.

– Что? Уже поговорили?

Это был удар, нанесенный из-за спины своим же. Сердце Акуцу было разбито. От одной мысли о том, что впереди его ждут нелегкие деньки, он почувствовал слабость в теле, как во время простуды.

– Посмотри-ка следующую страницу плана.

Похоже, Тории решил незамедлительно приступить к работе. Акуцу послушно перелистнул страницу.

Дело о похищении Фредди Хайнекена...

– Имеется в виду компания-производитель пива «Хайнекен»?

– Ты разве не слышал о деле, связанном с похищением главы этой компании?

– ...Извините.

Тории нарочито тяжело вздохнул и, сунув в рот сушеного кальмара, кивнул, что также могло означать: «Давай, читай!». Акуцу смущенно опустил голову и стал просматривать материал.

В ноябре 1983 года в Амстердаме группой местных молодых людей были похищены Фредди Хайнекен – управляющий компанией «Хайнекен», мирового пивного бренда – и его водитель. Через три недели в обмен на сумму 35 миллионов гульденов (на тот момент примерно 2 миллиарда иен) оба были освобождены. В течение года трое из преступной группировки были арестованы полицией, установившей место, где держали похищенных, но, несмотря на задержание еще двух организаторов преступления в Париже в феврале 1984 года, местонахождение большей части полученной денежной суммы до сих пор не известно...

Действительно, происшествие серьезное, но было непонятно, как оно связано с делом «Гин-Ман», а также с осакским репортером из отдела культуры. Заметив, что Акуцу сидит с непонимающим видом, Тории достал изо рта сушеного кальмара и заговорил:

– Президент компании «Гинга» был похищен через четыре месяца после дела «Хайнекен».

– Что? Между «Гинга» и «Хайнекен» есть связь?

– Посмотри третью страницу.

Акуцу понимал, что относится к тому типу людей, кому легко заговорить зубы, – но с взволнованным выражением лица перевернул страницу.

Там было напечатано содержание записей, сделанных репортером брюссельского бюро. В них говорилось о «человеке, который после

дела о похищении Хайнекена и освобождения заложников в течение некоторого времени под видом полицейского агента собирал сведения вокруг места происшествия». Велика вероятность того, что этот человек – «мужчина-азиат, проживающий в Лондоне», и, по словам хозяина китайского ресторана в Амстердаме, по всей видимости, «хорошо знаком с китайским кварталом Лондона». До ареста преступников им также интересовалась местная полиция.

Записи, несомненно, интересные, но информации слишком мало. Акуцу посмотрел на Тории взглядом, требующим разъяснений.

– Записи, скорее всего, сделаны в восьмидесятых годах, а репортера уже нет в живых.

– То есть это все, что есть?

– Да. Кстати, за исключением фильма, информации на японском языке, касающейся похищения Хайнекена, почти нет.

– А на английском?

– В Сети вроде есть несколько статей, но в основном все на голландском.

– Понятно...

Получается, ему придется писать материал на основе такой ерундовой информации? Акуцу не имел никакого понятия, где можно разузнать что-нибудь более стоящее. Единственное, в чем он был уверен, это отсутствие среди его знакомых голландцев.

– За границей, когда случается похищение, необязательно выезжает полиция. Довольно часты случаи, когда члены семьи передают деньги преступникам, и те отпускают заложников.

– Да, я слышал об этом.

– В Лондоне существуют компании, занимающиеся управлением рисками, и есть люди, которые ведут переговоры.

– Да, они на всем пытаются делать деньги.

– Я слышал, что репортер из европейского бюро знает бывшего сотрудника этой компании, который когда-то вел переговоры. – Тории проглотил ставшего совсем маленьким сушеного кальмара. – Но он, кажется, на какое-то время уедет в командировку в

Шотландию, и в Лондоне его не будет. Одним словом... Акуцу, ты уже понял, к чему я это говорю?

– Нет. Что вы имеете в виду?

– У тебя же вроде экзамен по английскому на первый уровень сдан?

Акуцу, наконец уловивший скрытый умысел Тории, пришел в ужас от собственной наивности.

– На неполный первый уровень. К тому же сдавал я его в студенческие годы.

– Но это же, наверное, почти то же самое...

– Нет, совсем не то же самое. Те, у кого есть неполный первый уровень, занимаются несколько лет, прежде чем сдают на первый.

– Ты что, себя все еще новичком считаешь? Уже ведь больше десяти лет прошло со студенческой поры.

– Но я все это время совсем не занимался. Наоборот, если бы сдавал сейчас, то и неполный первый не сдал бы.

Эта командировка, несомненно, придумана для того, чтобы с помощью интервью с человеком, проводящим переговоры с похитителями, который не имеет никакого отношения к этому делу, приукрасить довольно серый проект. В общем, полная чепуха. Именно поэтому был выбран репортер из отдела культуры, у которого явно имеется масса свободного времени.

– Короче говоря, я посылаю тебя в Лондон. Прежде всего, тебе нужно расспросить бывшего переговорщика о похищениях предпринимателей. А затем найти того азиата с записей.

Акуцу не поверил своим ушам. Конечно, и раньше в своей работе ему приходилось терпеть разные несправедливости, но это уже перебор. Скорее всего, на этот проект неожиданно выделили большой бюджет, поэтому и решили отправить в Лондон журналиста, чья основная цель – интервью с бывшим переговорщиком. Ну, а поиск азиата и тому подобное – всего лишь дополнение, чтобы журналист не расслаблялся. Но в любом случае Акуцу, которому необходимо будет представить записанное интервью, придется

задавать вопросы на ломаном английском... В подобной командировке расслабиться точно не удастся.

– Прошло уже больше тридцати лет... Разве возможно найти того азиата?

– Откуда такие мрачные мысли? Зато если найдешь его, это будет сенсация!

– Этого азиата интересовало только дело Хайнекена. Мне кажется, вероятность того, что здесь существует какая-то связь с делом «Гин-Ман», довольно мала.

– Слушай, вот ты готовишь материал по бездарному сериалу, так? Задача репортера из отдела культуры – написать об этом интересно, правда? Вот и тут никто не ожидает от тебя серьезной статьи. Так, легкий жанр...

Давая понять, что разговор окончен, Тории поднялся, выключил свет и вышел из комнаты. Теперь к повседневной работе добавится еще написание материала для этого проекта... Похоже, в ближайшее время на выходные можно не рассчитывать.

Глядя из темной комнаты вслед выходящему Тории, Акуцу решил, что сегодня он точно съест говяжью котлету и выпьет «Хайнекена».

2

В полном соответствии с информацией из путеводителя, небо Лондона было темным.

Когда Акуцу, сев на экспресс в аэропорту Хитроу, прибыл на станцию «Паддингтон», ему тяжело было даже встать с места. Глубокой ночью он вылетел из аэропорта Кансай^[10], сделал пересадку в Международном аэропорту Хамад в Дохе и после примерно 20 часов путешествия наконец добрался до Англии.

Особенно утомительным был перелет из аэропорта Кансай в Доху. Сидевший рядом европеец, словно это само по себе подразумевалось, монополизировал подлокотник, смотрел фильмы и смеялся, а потом захрапел. Сидевший впереди пассажир, тоже не стесняясь, откинул спинку своего кресла, и почти все время, за исключением взлета и посадки, колени Акуцу больно упирались в нее.

Акуцу шел по отнюдь не ровному тротуару. Колеса его чемодана издавали неприятный звук, а идущие широкими шагами люди то и дело обгоняли его. Пройдя по городу всего лишь десять минут, он понял, что лондонцы практически не обращают внимания на сигналы светофора.

Благодаря точной карте, распечатанной в Японии, Акуцу, нигде не плутая, благополучно добрался до отеля. Вокруг по обе стороны дороги рядами стояли белоснежные, в европейском стиле, жилые дома, а круглые колонны и симметрично расположенные прямоугольные окна усиливали ощущение пребывания в Европе, и были они настолько красивы, что возникало желание взять в руки кисть и написать картину.

Акуцу не понял и половины из того, что быстро проговорил портье, но ему удалось и оплатить депозит, и без труда зарегистрироваться. Он не был доволен номером, который оказался настолько тесным, что не получилось даже разложить полностью

чемодан, но после того, как путешественник принял горячий душ, его настроение немного улучшилось.

Закончив распаковывать вещи, Акуцу достал из кожаного рюкзака папку-держатель. Вытащил из нее тетрадь и посмотрел на наручные часы. Было только начало второго. До запланированной встречи оставалось еще немного времени.

Тетрадь он начал вести с тех пор, как был включен в группу, занимающуюся делом «Гин-Ман». Как правило, каждый репортер, начинающий участвовать в особом проекте, заводит специальную тетрадь. Конечно, на компьютере печатать быстрее, но, для того чтобы информация лучше укладывалась в голове, Акуцу имел обыкновение аккуратно вести записи своей любимой ручкой.

Дело «Гин-Ман» началось с того, как вечером 18 марта 1984 года из собственного дома в городе Нисинomia префектуры Хёго был похищен глава компании «Гинга» Кикучи Масаёси. На протяжении примерно полутора лет, до того как 12 августа 1985 года было сделано заключительное заявление преступной группировки, производители кондитерских изделий и продуктов питания, имеющие основные офисы и филиалы в районе Кансай, один за другим получали неоднократные угрозы; дошло даже до покушений на их жизнь.

В общей сложности фирм, получавших по очереди угрозы, было шесть: «Гинга», «Матаити сёкухин», «Мандо сэйка», «Хоуп сёкухин», «Хатоя» и «Сэццую». О преступных действиях в отношении «Матаити сёкухин» стало известно уже после того, как начали поступать угрозы в адрес «Мандо сэйка», поэтому делу дали название «Гин-Ман», но эти две компании действительно понесли огромные потери. Что касается «Гинга», то, после того как был похищен ее глава, устраивались поджоги в компаниях-партнерах, поступали угрозы, дошло даже до слухов о проведении нечестных сделок, и все это в итоге сильно навредило репутации компании. Кондитерские изделия производства «Мандо сэйка» с добавленной в них синильной кислотой в большом количестве подбрасывали не

только в районе Кансай, но и в Токио и Нагое^[11], и компания была вынуждена убрать всю свою продукцию с полок магазинов. Было остановлено производство, многие внештатные сотрудники были уволены. Акции предприятия, которые перед самым началом этих событий стоили почти 700 иен, в конце года упали до 400 иен. Обе компании совершенно несправедливо оказались в глубочайшем кризисе.

Прошло более тридцати лет, но дело это не забыто и по сей день. Причина, наверное, кроется в том, что оно приняло такой оборот, которому может позавидовать иной детективный роман-бестселлер. Развернувшееся и зашедшее в тупик противостояние между преступной группировкой и полицией во время передачи наличных денег; написанные на кансайском диалекте^[12] письма с угрозами и письменными вызовами, распространявшиеся с использованием средств массовой информации; вызывающий неприятные чувства портрет мужчины с лисьими глазами; бросившие кучу вещей и бесследно исчезнувшие преступники... Происшествие в духе театральной постановки, подобного которому не было не только в истории Сёва, но и во всей криминальной истории страны.

Просмотрев записи, Акуцу вздохнул. С какой стороны ни взгляни, он совсем не тот человек, который способен вести расследование этого дела. Он с удовольствием передал бы его, если б вдруг нашелся кто-то, желающий принять это задание. Полмесяца назад ему и в голову не могло прийти, что для журналистского расследования он отправится в Англию...

Акуцу опять опустил глаза в тетрадь. В деле о похищении был один момент, который не давал ему покоя.

Почему все-таки похитили взрослого человека?

31 год назад, 18 марта, примерно 9 часов вечера. В том году стояла небывало холодная зима, температура воздуха была ниже обычной на 7–8 градусов, и даже многие районы Западной Японии накрывали обильные снегопады. И с наступлением марта не

прекращались пронизывающие ледяные ветра, а в день похищения моросил холодный дождь.

В семье Кикиути было шесть человек: сам Масаёси, его жена, трое детей и мать. Мать по имени Фусаё жила в соседнем отдельном доме. В момент похищения Масаёси его старший сын, ученик 5-го класса начальной школы^[13], и средняя дочь дошкольного возраста находились на втором этаже в ванной, жена и старшая дочь-второклассница – в спальне на том же этаже, Фусаё – в своем доме.

Нападавших было двое. Один, мужчина средних лет, держал в руках ружье; второй, молодой, – пистолет. Оба были маленького роста, в балаклавах и одинакового цвета куртках. В тетради у Акуцу первый был записан как А, второй – как Б.

Используя стремянку, они проникли на территорию через живую изгородь со стороны дома Фусаё, в котором не было охранной сигнализации. Разбив стеклянную дверь черного входа, вошли внутрь. «Всем сидеть тихо!» Преступник А направил ружье на Фусаё, которая смотрела в гостиной только что начавшийся сериал. Преступник Б имевшейся у него виниловой веревкой и электрическим шнуром из гостиной связал запястья и лодыжки Фусаё и начал требовать у нее рассказать, где находится ключ от соседнего дома Масаёси. Они заклеили ей глаза и рот скотчем, а уходя, обрезали телефонный и телевизионный провода.

Проникнув в дом Кикиути со стороны подсобной комнаты, похитители прежде всего направились в спальню на втором этаже, где находились жена и старшая дочь. На крик старшей дочери Мисако один из преступников произнес: «Мисако-тян^[14], успокойся». Мать с дочерью, которым преступник Б обмотал запястья скотчем, были заперты в находившемся в глубине туалете.

Вломившись в ванную комнату, расположенную напротив, преступник А направил ружье в грудь Кикиути и произнес: «Сиди тихо, не вздумай поднимать шум». Он заставил его пройти в туалетную комнату и обмотал вокруг голой поясницы полотенце. В таком виде Кикиути повели в детскую, но из-за того, что один из

похитителей обрезал телефонную линию, сработала сигнализация, поэтому они засуетились, и пришлось потащить его назад. Выйдя из подсобной комнаты на первом этаже и пройдя через двор дома Фусаё, преступники вместе с заложником через главные ворота вышли на улицу.

К дому тут же подъехал красный двухдверный спортивный автомобиль, и Кикиути через переднее пассажирское место затолкнули на заднее сиденье. В этот момент с головы преступника Б сползла балаклава, и Кикиути убедился в том, что это молодой человек. По ночному городу машина поехала в направлении Осаки.

Все средства массовой информации отправили своих журналистов в Нисиномию для освещения дела о похищении главы крупной компании, совершенном таким грубым способом. После того как на следующий день в утренних выпусках было опубликовано сообщение под заголовком «Похищение главы “Гинга”», полиция и СМИ заключили беспрецедентное информационное соглашение. Ни газеты, ни телевидение больше не давали никакой информации, и установилось неестественное молчание.

Через три дня после этого, в полдень 21 марта, сотрудником железнодорожного агентства был обнаружен Кикиути Масаёси, бредущий в бессознательном состоянии по железнодорожным путям в городе Сэтцу префектуры Осака. С этого момента для компании «Гинга» начались суровые испытания...

Акуцу взглянул на часы и, удивившись, что прошло больше времени, чем он предполагал, закрыл тетрадь. Перед интервью ему еще нужно приобрести мобильный телефон.

Накинув тонкую куртку, он положил тетрадь в рюкзак.

3

В магазине недалеко от станции «Паддингтон» Акуцу купил мобильный телефон «Самсунг», который посоветовал ему продавец, и тут же настроил его.

Итак, начинается работа. Выйдя из магазина, он несколько раз вслух прочитал текст на английском, заранее записанный в тетради, и набрал номер человека, который в прошлом вел переговоры с похитителями, – Колина Тиллера. Уже на втором гудке ответил мужской голос.

– Господин Колин Тиллер? Меня зовут Акуцу, я журналист из японской газеты «Дайнити».

– Экуцу?.. А, коллега Масао, не так ли?

По всей видимости, он имел в виду Кидо Масао из европейского бюро.

– Да, совершенно верно. Я только что приехал в Лондон. Вы могли бы встретиться со мной?

– Конечно. Я сейчас в пабе в Сохо. Сможете приехать?

Акуцу недолго радовался тому, как понятно говорит его собеседник, – ему пришлось помучиться, чтобы правильно записать название и адрес паба. Пока он не попросил говорить чуть медленнее, Колин тараторил с одинаковой скоростью. Вспомнив также молодого человека из магазина мобильных телефонов, Акуцу пришел к выводу, что англичане – довольно дружелюбный народ.

На станции «Паддингтон» он купил карту и направился к линии метро Бейкерлу. Акуцу чрезвычайно поразило, насколько быстро двигается эскалатор. Ему страшно было даже вставать на него, а люди вокруг совершенно не обращали на это внимания. И двери в поезде открывались и закрывались жутко быстро. Не успевало прозвучать объявление «Будьте осторожны, смотрите под ноги», как двери тут же закрывались.

Ровно через десять минут Акуцу прибыл на станцию «Пикадилли-сёркус». Это был центр Лондона, рядом находились статуя Эроса и Королевская академия искусств. Выйдя на улицу, Акуцу увидел хорошо знакомые по программам японского телевидения знаменитые неоновые рекламы и опять живо ощутил, что он действительно находится в Англии.

Несмотря на дневные часы буднего дня, вокруг статуи Эроса толпились многочисленные туристы. До паба, где находился Колин, нужно было пройти примерно 300 метров в западном направлении. Мимо величественных зданий с развевающимися британскими национальными флагами проезжали красные двухэтажные автобусы и черные кебы. Наслаждаясь прекрасными видами окрестностей, Акуцу пробирался сквозь толпы людей.

Согласно объяснению Колина, паб располагался в угловом кирпичном здании, поэтому найти его удалось без труда. Яркие цветы в кашпо, которыми была украшена фронтальная часть здания, контрастировали с распахнутыми дверями из темного дерева. Акуцу, в процессе подготовки к поездке всю последнюю неделю, очень увлекся Англией и был ужасно взволнован, когда воочию увидел настоящий паб.

Внутри было лишь естественное освещение; на приличном расстоянии друг от друга стояли с пятнадцать деревянных столов. Был и второй этаж, поэтому, очевидно, паб мог вместить довольно большое количество людей; тем не менее практически все места и у стойки, и за столами были заняты. Акуцу достал из кармана куртки мобильный телефон, но в этот момент сидевший рядом за столом у окна бритоголовый европеец поднял руку.

– Тиллер-сан?

Мужчина со словами «можно просто Колин» протянул руку. Видимо, из-за высокого роста и отсутствия волос на голове было сложно определить его возраст. Акуцу, представившись как Эйдзи, сел напротив. Колин уже пил пиво. Никаких закусок перед ним не было.

Акуцу, взяв у стойки пинту «Гиннесса», вернулся к столу.

– Как вы так сразу поняли, что это я?

– У тебя был напряженный вид. В паб редко приходят люди с такими лицами.

Колин ответил совершенно непринужденно. Но хотя это прозвучало довольно убедительно, Акуцу по-прежнему беспокоило из-за того, что с самого начала за ним наблюдают.

Собравшись с духом, он вытащил тетрадь и диктофон и начал задавать вопросы, касающиеся переговоров с похитителями иностранных предпринимателей. Колин рассказал о похищении главы крупной французской корпорации, произошедшем в 1978 году около его парижского дома, а также захвате владельца агентства недвижимости в Гонконге в 1983 году. Что касается дела Хайнекена, то, по словам Колина, преступники взяли за образец похищение предпринимателя, которое случилось в 1977 году в Голландии.

– Ты знаешь экономический термин «голландская болезнь»?

Акуцу покачал головой. Колин, кивнув, положил оба локтя на стол и скрестил пальцы.

– Во время нефтяного шока семьдесят третьего года Голландия, благодаря экспорту природного газа, получила довольно высокие доходы, зарплаты рабочих выросли. Это способствовало повышению благосостояния граждан и временному обогащению.

– Временному?

– Именно. Но вследствие увеличения торгового профицита произошло чрезмерное укрепление национальной валюты, что, в свою очередь, нанесло сильный удар по экспорту. В результате промышленные отрасли пришли в упадок, а безработица выросла. Это и есть «голландская болезнь». В начале восьмидесятых годов уровень безработицы поднялся до двенадцати процентов.

Акуцу написал «Голландская болезнь» и обвел в кружок.

– Когда было совершено похищение, Голландия, несомненно, находилась в бедственном положении. Но это отнюдь не может

служить оправданием.

Под рукавами футболки проступали мощные плечи Колина; было понятно, что он довольно тренирован. Наряду с бритой головой это придавало ему устрашающий вид, но в процессе разговора стало понятно, что он весьма образованный человек. Колин продолжал говорить о похищениях, которыми ему приходилось заниматься; шутливо рассказывал, что в Южной Америке особенно трудно было выяснить, кто связан с преступниками, а кто нет.

Все это было интересно, но недостаточно для написания материала. Акуцу решил попытаться обнаружить какую-нибудь связь с делом «Гин-Ман».

– Может быть, еще по одной? – указав на опустевший стакан Колина, предложил он.

– Командировочных достаточно?

– Ну, на пиво хватит.

– А больше ничего и не нужно. Я, пожалуй, тоже возьму «Гиннесса» – давненько не пил его.

Когда перед обоими вновь стояли полные стаканы, Акуцу заговорил о деле «Гин-Ман». Колин, сказав, что он слышал об этом, добавил, смеясь: «В Англии, помнится, тоже находились идиоты, которые добавляли ртуть в рождественскую индейку».

– Посмотрите, пожалуйста, вот это. – Акуцу решительно протянул те самые репортерские записи, переведенные на английский язык.

Прочитав, Колин что-то проворчал, настолько быстро, что различить слова было невозможно. Затем, повторив: «Я слышал об этом», вернул копию.

– Эйдзи, ты сегодня вечером свободен?

– Да, конечно.

– Возможно, я смогу помочь. Позвоню попозже.

Колин залпом осушил стакан и, попрощавшись, ушел. События приняли совершенно неожиданный оборот, поэтому Акуцу машинально вслух прознес:

– Что это значит? – Заметив, что диктофон все еще работает, он торопливо выключил его.

* * *

Первое, что он почувствовал, когда проснулся, была боль.

Повращав затекшими плечами, Акуцу потянул одеревеневшую спину. Часы, лежавшие рядом с подушкой, показывали 8.30 вечера. Почувствовав голод, он быстро оделся и вышел на улицу.

Акуцу было известно, что дни летом в Англии длинные, но, поскольку стоял уже конец августа, было темно. Дул осенний ветер. Двигаясь в западном направлении, минут через десять Акуцу вышел на улицу, проходившую рядом со станцией «Бэйсуотэр». Там располагалось много ресторанов и небольших магазинов, а тротуар был наводнен людьми с разным цветом кожи. Испанская, индийская, египетская кухня... В конце концов Акуцу остановил свой выбор на тайской кухне. До сих пор, посещая тайские рестораны за границей, он ни разу не пожалел об этом.

Заказав пиво «Сингха» и горячую лапшу, открыл тетрадь. Сегодняшний день принес горькие мысли, и нужно было сделать необходимые записи.

После того как Акуцу расстался с Колином и вышел из паба, он направился в расположенный неподалеку китайский квартал. Первые этажи европейских зданий пестрели многочисленными вывесками с иероглифами; попав туда, Акуцу подумал, будто перенесся из Англии в другую страну. Возвышавшиеся с западной стороны традиционные ворота напомнили Нанкинмати^[15] в Кобэ.

Однако район, заполненный туристами, был не очень подходящим местом для сбора сведений. Ни с того ни сего, не имея даже фотографии, подходить и спрашивать про азиата, который бывал здесь тридцать лет назад... Полный бред. Вероятно, то пренебрежение, с которым Акуцу уже пришлось столкнуться в

кафе, – естественный результат его пребывания в неприветливом Лондоне. Он не мог не думать о том, что Тории даже в таких условиях наверняка собрал бы материал. Находясь в далекой чужой стране, Акуцу остро ощутил, как недостает ему журналистских способностей.

Наблюдая за людским потоком по ту сторону окна, он втянул в рот только что принесенную лапшу. Неожиданно странный вкус заставил его вздрогнуть.

Почему она такая сладкая?

Акуцу сразу же запил ее пивом, проворчал: «Ну, вот тебе и Лондон» и вздохнул. В этот самый момент, словно почувствовав его мрачное настроение, зазвонил телефон. Это был Колин.

– Эйдзи, ты где сейчас?

Голос Колина звучал взволнованно. Неужели узнал что-то интересное?

– В тайском ресторане рядом со станцией «Бэйсуотер».

Акуцу сообщил название ресторана, и Колин со словами «Скоро буду» дал отбой. Привыкнуть ко вкусу лапши не удалось; тем не менее в итоге Акуцу съел все без остатка. Правда, остался голодным... хотя, наверное, он слишком много требовал. Как верно говорили, к английским ресторанам необходимо заранее готовиться.

Минут через двадцать он увидел идущего по улице Колина. Войдя в ресторан, тот сел напротив Акуцу. Видимо, на улице моросил дождь, потому что футболка Колина была слегка намокшей.

– Вам не холодно?

– Да, в общем-то, нет. Это что ты ешь?

– Лапшу. Правда, я уже закончил...

– Вкусно?

– Я не стал бы рекомендовать.

Колин, рассмеявшись, позвал официанта, у которого без колебаний заказал пиво «Сингха» и жареный рис с рыбой, рядом с которым стоял значок «Остро».

– Вы не первый раз здесь?

– Прихожу иногда. Как правило, ем все, кроме лапши.

Когда принесли пиво, Колин, заявив: «Ну, будем!», залпом выпил маленький стакан. Прежде чем принесли жареный рис, он заказал вторую бутылку.

– Кстати, а почему в Японии такие выдающиеся порнозвезды?

«Зачем этот англичанин пришел встретиться со мной?» – раздраженно подумал Акуцу, но, как настоящий японец, решил поддержать разговор.

– Действительно, сегодня красивые девушки уже никого не удивляют.

– Я об этом и говорю. Много девушек с потрясающими улыбками.

Колин назвал имена нескольких актрис; половину из них Акуцу вообще не знал, но с неумело состроенной приветливой улыбкой поддакивал.

– Итак, Эйдзи, готов записывать? – Колин отодвинул в сторону абсолютно пустую тарелку и как часто делают иностранцы, пожал плечами. – Вероятно, мужчина, которого ты разыскиваешь, – китаец, живший в те времена в китайском квартале в Сохо.

– Китаец?

– Да. По просьбе голландской полиции полиция Великобритании и МИ-6^[16] следили за ним, но после того как стало понятно, что он не имеет отношения к делу Хайнекена, наблюдение, похоже, сняли.

Услышав, что это был китаец, Акуцу заключил, что тот не причастен к делу «Гин-Ман», но, для того чтобы отчитаться перед Тории, продолжал записывать.

– Правда, местонахождение его неизвестно, но зато удалось установить личность женщины, с которой он встречался.

– Женщины? А при чем тут женщина?

– Она в то время была журналисткой, и полиция установила ее личность. Короче говоря, она из СМИ, как и ты. Впрочем, похоже, она не замечала, что за ней следили.

– В то время? Сейчас что-то изменилось?

– В настоящее время она преподает в университете.

- Где она живет?
  - В Шеффилде.
  - В Шеффилде? Где это?
  - Ты не смотрел фильм «Мужской стриптиз»? [\[17\]](#)
- Акуцу покачал головой, а Колин опять пожал плечами.
- Ну, в общем, это ближе, чем Япония.

4

Солнце только что вошло и теперь светило в окно поезда, окрасив окрестности в оранжевый цвет.

Наслаждаясь приятным покачиванием вагона, Акуцу встречал тихое утро. Это был поезд дальнего следования сети «Нэйшнл рейл»^[18]. Вагон первого класса был оборудован удобными кожаными креслами и столиками на двух и четырех человек. Кроме Акуцу, в вагоне ехал элегантный джентльмен средних лет, читающий газету, а также компания мужчин и женщин в деловых костюмах – по-видимому, бизнесмены; из примерно двадцати мест была занята только половина.

Элегантный проводник принес тарелку, на которой лежал сэндвич с колбасой; Акуцу кивком поблагодарил его. Сэндвич представлял собой два куса колбасы между тремя кусками хлеба, но, когда Акуцу попробовал его, добавив кетчупа, вопреки ожиданиям, оказалось вкусно. Завтрак вместе с неограниченными напитками входил в стоимость билета. Акуцу выпил апельсиновый сок и впервые за долгое время почувствовал умиротворение.

Начало сегодняшнего утра было суматошным. Акуцу вышел из отеля еще до восхода солнца и был поражен, насколько не полетному холодно было на улице. Съежившись, он направился к станции «Паддингтон». Это большая станция, поэтому входов в метро там несколько, в зависимости от линии. Акуцу, в соответствии с информацией, которую он выяснил накануне, воспользовавшись компьютером в отеле, пошел к линии Хаммерсмит-энд-Сити, но почему-то вход на нее оказался закрыт железной решеткой. Увидев объявление, на котором от руки было написано «Временно закрыто», Акуцу сразу подумал, уж не забастовка ли.

– Мне нужно добраться до «Кингс-Кросс», – обратился он к сотруднику, стоящему за решеткой.

Тот объяснил, что возникли неполадки в работе системы электричества, поэтому нужно воспользоваться другой линией. В панике Акуцу поймал такси, но то ли нарочно, то ли по невнимательности водитель поехал не туда. В результате, хотя он вышел заранее, чтобы прогуляться по вокзалу Кингс-Кросс, хорошо знакомой по книгам о Гарри Поттере, у него не только не осталось на это времени, но он едва успел заскочить в поезд, отправлявшийся с прилегающего вокзала Сент-Панкрас.

Звук открывшихся автоматических дверей разбудил его. Похоже, джентльмен, читавший газету, вернулся из туалета. Акуцу посмотрел на часы и, обнаружив, что проспал больше часа, удивился. Видимо, накопилась усталость. Группы в деловых костюмах уже не было.

За окном проносились освещенные солнцем сочные луга, на которых паслись многочисленные коричневые коровы. Вдали среди деревьев мелькали каменные дома с треугольными крышами. На какой-то момент Акуцу был очарован английскими пейзажами. Благодаря тому, что удалось немного вздремнуть, он чувствовал легкость в теле. Это стоило цены за билет, которую он заплатил.

После того как на станции «Лонг Итон» вышел джентльмен, а на следующей, «Дерби», – женщина средних лет, Акуцу остался один в вагоне. Был слышен только стук колес, и равнинный пейзаж показался ему слегка пустынным. Через полчаса поезд остановился на конечной остановке.

Шеффилд встретил его ясной погодой. Найдя трамвайную остановку около станции, Акуцу сел в трамвай, заплатил за проезд жизнерадостному кондуктору и сел на свободное место. Трамвай медленно двигался по рельсам, проложенным через брусчатку. Они проехали большой собор, построенный в типичном европейском стиле, но, кроме него, запоминающихся зданий в общем-то и не было, разве что иногда бросались в глаза иероглифы на рекламе, скорее всего, предназначенной для китайцев. Становилось понятно, почему город, по численности населения входящий в пятерку крупнейших городов Англии, не упоминается в путеводителях.

На остановке у университета Акуцу вышел из трамвая вместе со студентами. Небо было до прозрачности светло-голубым, но вокруг собирались коварные облака. Акуцу шел на встречу с Софи Морис, которая преподавала здесь на факультете журналистики. Он рассчитывал на «эффект неожиданности», поэтому не связался с ней заранее, но, поскольку опыта сложных интервью у него не было, он совершенно не рассчитывал на успех.

У университета не имелось единого кампуса. Учебные корпуса, в которых располагались различные факультеты, разбросало по городу. По обе стороны от остановки выстроились впечатляющие кирпичные здания, и было совершенно непонятно, в каком направлении идти. Акуцу обнаружил схему территории и установил по ней расположение факультета журналистики.

Здание оказалось сравнительно новым, со стеклянными дверями. Конечно, для университета, количество студентов которого превышает 20 тысяч человек, оно было довольно небольшим. Акуцу остановился у расположенного прямо перед входом книжного магазина и стал ждать, когда начнут выходить студенты. Он собирался предварительно выяснить, что представляла собой Софи.

Первыми вышли две девушки, за ними – трое юношей и девушек: все были китайцами. Акуцу толком не сумел объяснить цель своих расспросов, поэтому не добился ничего, кроме недоуменных взглядов. Затем появились два белых молодых человека, но в руках они держали спортивные сумки и, бросив на ходу: «Мы спешим, спросите в приемной», быстро ушли.

Когда Акуцу, стоя у книжного магазина, раздумывал, не поменять ли ему тактику, он увидел еще одного студента азиатской внешности. Это был коротко постриженный молодой человек с рюкзаком за спиной. Акуцу почему-то подумал, что это японец. «Добрый день», – окликнул он, в ответ молодой человек удивленно произнес: «Здравствуйте».

– Я из газеты «Дайнити»... Вы не могли бы уделить мне немного времени?

– Неужели? Я работал в «Дайнити».

Родная речь подействовала на Акуцу успокаивающе. Вручив визитку, он рассказал, что ищет профессора Софи Морис.

– Я приехал в Лондон для журналистского расследования и неожиданно услышал про профессора Морис. Вот, решил сам убедиться, что она действительно существует.

– И поэтому специально приехали в Шеффилд? Такой долгий путь... Ну, в общем, профессор Морис действительно работает здесь, и я хожу на ее лекции.

– Какая у вас специальность?

– Я в основном занимаюсь всем, что связано со свободой слова. Изучаю вопросы цензуры, участвую в дебатах...

Бойкость молодого человека бросалась в глаза. Акуцу был совсем другим; он стал журналистом, ни о чем серьезно не задумываясь. Поэтому сейчас решил сменить тему.

– Что за человек профессор Морис? Если я неожиданно к ней нагряну, не испугается?

– Про ее личную жизнь я не знаю, но она разумный и спокойный человек. И, думаю, будет рада пообщаться с японским журналистом. А, подождите минутку... Я спрошу, где она сейчас.

Молодой человек повернулся и вошел в корпус. Акуцу подумал, что в нем есть и целеустремленность и легкость, поэтому он наверняка станет превосходным журналистом.

Юноша вернулся меньше чем через пять минут.

– Говорят, она в парке. – Он приветливо улыбнулся.

– В парке?

– Профессор Морис любит размышлять или читать в парке. Я тоже как-то встретил ее тут неподалеку. В Шеффилде нет ничего интересного, зато природа здесь богатая.

– Отсюда близко?

– Пройдете через остановку трамвая, на северо-западе будет Уэстон-парк. А к нему примыкает парк Крукс-Вэлли.

– Крукс... Повторите, пожалуйста.

– Парк Крукс-Вэлли. Там есть большой пруд... правда, на самом деле это вроде дамбы. В общем, ориентиры – пруд и детская площадка.

– Понял. Лично встречусь и поговорю с ней. Спасибо за помощь.

– Не за что. Простите, у меня тоже есть одна просьба...

– Да, пожалуйста.

– По возвращении в Японию я хотел бы расспросить вас о редакции газеты.

– Конечно. Если я вас устрою. Когда вернетесь, можете написать на почту, указанную на моей визитке.

Распрощавшись с юношей, Акуцу в приподнятом настроении пошел по солнечному городу. С каких это пор он стал чувствовать себя бодрее после разговора с молодежью? «Странно, я рассуждаю как старик...»

Хотя он и уточнил расположение парка по карте, но, уверенно шагая по улице, все-таки заблудился. Район был тихий, с широкими дорогами; наверное, здесь комфортно жить. Но университетские здания и жилые дома были очень похожи, поэтому Акуцу постепенно перестал понимать, в каком направлении движется.

Наверное, он шел около двадцати минут. Перед большим строением в европейском стиле замедлил шаг. Архитектура здания с треугольной крышей и неровными стенами была прекрасна. Узнав, что это обычное общежитие, Акуцу был обескуражен. Как же сильно оно отличается от его университетского обиталища!

Температура повысилась, и уже с трудом припоминалось, что утром было довольно холодно; даже выступил пот. Когда Акуцу стал спускаться вниз по пологому склону, с которого открылась хорошая перспектива, с правой стороны он увидел пруд и парк с детской площадкой.

– Ну наконец-то! – радостно произнес вслух Акуцу и поспешил ко входу.

Низкие ворота зеленого цвета были распахнуты, и он тут же оказался внутри. Напротив коротко постриженного аккуратного

газона виднелся пруд, возле которого сидели с удочками несколько мужчин. Действительно, назвать все это дамбой язык не повернулся бы.

Неподалеку от рыбакающих мужчин Акуцу заметил белокурую женщину, с аппетитом уплетающую сэндвич. «Это точно она», – решил он и, вытерев носовым платком пот с лица, накинул куртку.

– Прошу прощения, что помешал... Профессор Софи Морис, не так ли?

Несмотря на то что с ней неожиданно заговорил незнакомец, женщина с улыбкой кивнула. Морщины в уголках глаз и на шее выдавали ее возраст, но при этом в глазах сквозили молодость и любопытство.

– Да. У вас какое-то дело ко мне?

– Меня зовут Акуцу, я журналист из японской газеты «Дайнити».

– Я ее знаю. Крупная газета, не так ли? Вы приехали, чтобы взять интервью?

Акуцу утвердительно ответил и, спросив позволения у Софи, присел рядом. На противоположном берегу пруда высился элегантный особняк. От берега и до самого здания через газон протянулась тропинка s-образной формы, и от этого пейзажа, который вполне можно было увидеть в каком-нибудь европейском фильме, веяло достоинством и эстетизмом.

– То белое здание – что это?

– Ресторан. Посмотрите, перед ним терраса.

После того как вместо формальных вежливых фраз Акуцу высоко отозвался о величественности английских архитектурных сооружений, он тут же решил перейти к главной теме.

– Вы помните о деле, связанном с похищением главы компании-производителя пива Фредди Хайнекена?

– Конечно. Я ведь тогда работала в газете. Хотя мне не пришлось непосредственно заниматься им, но дело было интересное.

– По моим данным, был некий китаец, который расспрашивал об этом происшествии в Амстердаме. Вам что-то известно об этом?

– Китаец? Но преступниками были местные молодые люди...

– Верно, однако, будучи в Лондоне, я получил информацию, что китаец, проживавший в китайском квартале в Сохо, шпионил в Голландии, и за ним следили местная полиция, а также британская разведка МИ-6.

– Нет, я впервые слышу об этом.

У Акуцу появилось неприятное предчувствие, но он решил выложить козырь.

– Вы действительно ничего не слышали об этом? Мне ужасно неловко, но я располагаю информацией, что вас с этим китайцем связывали близкие отношения.

Софи, продолжая держать в руках сэндвич, расхохоталась.

– Кто вам сказал такую чушь? Жаль, что вы поверили и специально проделали такой путь, чтобы приехать в Шеффилд...

– Чушь?

– Именно. Это ведь произошло в восемьдесят втором или в восемьдесят третьем году, так? Мне ужасно хочется сказать, что я еще не родилась в то время, однако я все-таки воздержусь. Но то, что в то время у меня не было близких отношений с китайцем, это точно.

Глядя на абсолютно спокойную Софи, Акуцу лишь выдавил из себя:

– Ах, вот как, – и замолчал.

Чтобы найти загадочного мужчину, он проделал путь из Осаки до Шеффилда, и все зря. О чем же он будет писать? И тем более как будет оправдываться перед Тории? У него нет никакой информации... У Акуцу опустились руки.

– Извините, что не смогла помочь вам. Может, хотя бы угостить вас сэндвичем?

Софи протянула ему маленький ланчбокс. Акуцу поблагодарил ее и взял обычный кусок хлеба с беконом и огурцом. Глядя на сверкающую на солнце поверхность пруда, он подумал, что, может, ему стоит перебраться на противоположный берег и с горя выпить в том ресторане...

Действительно, для чего он приехал? В голове всплыло лицо Колина, который ел в тайском ресторане полностью за его счет... С неприятным чувством Акуцу откусил от сэндвича.

Вкуса он не почувствовал.

5

На этаже, где полностью убрали все перегородки, была расставлена антикварная мебель.

Сонэ Тосия, выпрямившись, смотрел на буфет из грецкого ореха. Тот был двухстворчатым, его четыре ножки – такими тонкими, что казались совершенно ненадежными, а столешница – настолько длинной, что это вызывало ощущение несоответствия. Некоторое время Тосия с удовольствием представлял, что, наверное, она идеально подойдет для того, чтобы разложить на ней рубашки.

Три года назад, занимаясь перестройкой ателье, он пришел сюда, и хозяин магазина Хорита Синдзи объяснил ему, в чем очарование антикварной мебели: «То, что сохранилось и существует больше нескольких десятков или даже сотен лет, может рассказать обо всем». Только настоящие вещи не подвластны времени. То же можно сказать и об одежде. Костюм, который ты изготовил, вложив в него свою душу, не будет пылиться в шкафу.

– Извините за ожидание.

К нему подошел Хорита, с зачесанными назад волосами с проседью, в костюме, превосходно сидящем даже на взгляд непрофессионала. Он был одноклассником отца, поэтому в этом году ему должен исполниться 61 год, но выглядел он очень молодо.

– У вас, как всегда, вещи со вкусом. – Тосия показал на буфет, на что Хорита произнес, улыбнувшись: «Я уступлю».

Магазину, все эти годы существовавшему в районе Сакё^[19], в следующем году исполнится тридцать лет. На первом этаже была представлена английская антикварная мебель, на втором – мебель, произведенная в Японии. Снаружи здание было выложено кирпичом, что выглядело очень стильно.

Занявшись перестройкой ателье, Тосия, конечно же, обратился к Хорите, поскольку давно знал его; но было также нечто, что объединяло этих двух людей, – Англия. Тамошней мебели была

присуща некая чопорность и в то же время грациозность, и такие же требования Тосия предъявлял к костюму.

– Пойдем со мной.

Тосия последовал за Хоритой в приемную, находившуюся в глубине магазина. Из-за приглушенного света люстр было довольно темно, но он шел и чувствовал, как бьется его сердце.

Низкий стол, стоящий в приемной размером примерно в шесть татами^[20], был маленьким в соответствии с ее размером, но выглядел новым и ярким. И стоящий перед ним диван тоже был настолько сочного цвета зеленых яблок, что слепил глаза.

– Здесь все совсем не так, как в магазине.

В ответ на эти слова Тосии Хорита сделал удивленное лицо.

– Тосия-кун^[21], а ты разве никогда не был здесь?

– Вообще-то, я здесь первый раз. Три года назад вы показали мне магазин и склад.

– Вот как... Ну, ты доволен покупкой?

– Да. Некоторые приходят только для того, чтобы посмотреть на письменный стол.

Хорита, улыбаясь, наливал кофе в больше подходящие для чая веджвудовские^[22] чашки.

– Прости, что предлагаю тебе это в жару. Льда у меня нет.

Отец Тосии и Хорита были друзьями детства, вместе учились с начальной до старшей школы. Сохранили близкие отношения, когда начали работать, и Тосия не один раз видел Хориту, который приходил в гости в «Костюмы на заказ Сонэ». Это был воспитанный и спокойный человек, что полностью соответствовало его облику джентльмена.

– Тосия-кун, как твое ателье?

– Более-менее, но последнее время стало больше молодых клиентов.

– Похоже, новая стратегия оказалась эффективной.

– Да я не назвал бы это стратегией...

Прошло пять лет с тех пор, как умер отец. За год до его смерти Тосия получил в наследство ателье, а через год женился на своей невесте Ами. Он пытался худо-бедно вести дела, но, оставив все как есть, кормить семью было сложно. Поэтому три года назад Тосия изменил стратегию управления, вслед за этим избавился от покрытых катышками ковров и превратил ателье в европейский салон с налетом старины.

– Как Маюми-тян себя чувствует?

Хорита относился к той категории людей, которые чувствуют себя некомфортно, пока не скажут все, что считают нужным; к тому же, будучи другом детства отца, он хорошо знал маму.

– Да тоже более-менее.

Мама Тосии, Маюми, видимо, не была в восторге от перемен, которые затеял ее единственный сын, и, увидев обновленное ателье, нахмурилась: «Если в том, что ты создал, отсутствует душа, это не имеет смысла». А уж стоило Ами заговорить о том, что она хотела бы сделать ремонт и в жилой части, как отношения свекрови и невестки обострились, и возникла проблема, которая, как до этого был твердо уверен Тосия, существует исключительно в сериалах. Два года назад родилась их дочь, и хотя внешне разногласия утихли, но Тосия теперь постоянно находился меж двух огней.

– В торговле сложно добиться того, чтобы никогда не отклоняться от определенного курса, но если все разрушить и пойти совершенно в другом направлении, будет еще тяжелее. Однако если есть главное – решимость «хорошо выполнять свою работу», – то все будет нормально. Как бы то ни было, ты – сын Мицуо, поэтому я буду тебя поддерживать. Если нужно будет отремонтировать мебель, можешь обращаться, не стесняйся.

Хотя Тосии было неловко от того, что Хорита, похоже, угадал, что происходит в его семье, с другой стороны, он почувствовал облегчение, потому что ему было на чью помощь рассчитывать. Все-таки решение прийти сюда оказалось правильным, подумал Тосия, отхлебнув кофе. Однако, когда он собрался уже перейти к главному

вопросу, мысль о том, что обратной дороги не будет, заставила его напрячься.

Хорита, сидя напротив с чашкой в руках, посмотрел на Тосию и, улыбнувшись, сказал:

– Конечно, это касается не только работы.

Все эти восемь дней были мучительными для Тосии. Как истолковать то, что содержится на кассете и в тетради? Невозможно представить, чтобы молчаливый, посвятивший всю свою жизнь портновскому делу отец мог быть замешан в таком деле. Но с другой стороны, наличие «вещей», имеющих отношение к делу «Гин-Ман», не давало возможности исключить это.

Естественно, Тосия не мог говорить об этом с больной матерью, да и жена, утомленная заботами о ребенке, к тому же испытывающая стресс из-за отношений со свекровью, вряд ли будет хорошим советчиком, и это только расстроит ее. А довериться чужим людям было бы слишком рискованно. Если вдруг окажется, что отец как-то связан с этим делом, на него, Тосию, всю жизнь будут показывать пальцем как на «ребенка с той кассеты», и, возможно, даже его дочь может быть оклеветана и опорочена. Чего бы это ни стоило, но Сиори он должен защитить.

Тосия попытался прочитать английский текст в тетради, воспользовавшись словарем, но не смог понять идиоматические выражения и то, как связаны между собой предложения. Он также попробовал обратиться к онлайн-переводчику, но получился неестественный японский текст, и в результате Тосии ничего не оставалось, как выкинуть белый флаг.

Нужен был кто-то, умеющий хранить секреты и при этом владеющий английским. Тосия знал только одного такого. Другого подходящего человека, кроме Хориты Синдзи, близкого друга отца, регулярно посещающего Англию с целью покупки антикварной мебели, не было.

– Хорита-сан, вы помните дело «Гин-Ман»?

– «Гин-Ман»? Парень с лисьими глазами? Он распространял сладости с синильной кислотой?

– Да, точно. А вы случайно не помните, интересовался ли этим отец?

– Даже не знаю... Слушай, это же случилось, когда ты был маленьким.

– Тридцать один год назад.

– Получается, мне было тогда тридцать лет... До того, как я открыл собственный бизнес. Это дело ведь гремело на весь Кансай, поэтому, возможно, мы его обсуждали, но точно я не помню.

Глядя на Тосию, сидевшего в нерешительности, Хорита поставил чашку на стол.

– Тосия-кун, я не хочу давить на тебя, но если тебя что-то беспокоит, скажи. Ведь Мицуо поручил мне заботиться о тебе.

Тосия вспомнил ласковый голос Хориты, который, стоя у кровати отца, скончавшегося в больничной палате городской больницы Киото, произнес: «Твой отец попросил меня позаботиться о тебе». Воспоминание об этих словах придало уверенность, и Тосия достал из сумки плеер с кассетой и черную кожаную тетрадь. Хотя он уже принял решение, сердце его забилось быстрее.

– Вчера мама попросила меня найти кое-что, и я зашел в ее комнату...

Тосия объяснил, что в ящике телефонного столика он обнаружил вещи, принадлежащие отцу; среди них была картонная коробка, где лежали плеер и тетрадь.

– Какая старая кассета! – Хорита, взяв в руки плеер, с ностальгией рассматривал вставленную в него кассету.

– Сначала идет запись того, как я пою в детстве. Но потом все меняется...

– Меняется?

– Да. В районе Фусими ведь есть храм Дзёнангу, да? Так вот, дальше на кассете мой голос объясняет что-то про скамейку на автобусной остановке около него.

– Странно... И что тебя так беспокоит?

Тосия открыл черную кожаную тетрадь.

– Все, кроме этой страницы, написано по-английски, поэтому я почти ничего не понимаю, – и только это по-японски.

– «Гинга» и «Мандо»...

– Одну минуту...

Тосия взял смартфон и вывел на экран документальную программу, посвященную делу «Гин-Ман». Затем нажал на кнопку воспроизведения.

– «В направлении Киото проехать по линии Итиго... два километра, автобусная остановка, Дзёнангу, скамейка, сесть сзади».

С лица Хориты исчезло выражение спокойствия. Он поднял взгляд от экрана смартфона и пронизательно посмотрел на Тосию. Тот опять нажал на кнопку воспроизведения. Раздался тот же голос. Хорита глубоко вздохнул и со словами: «Я вспомнил. Они же действительно использовали голос ребенка», схватился обеими руками за голову.

Некоторое время стояла тишина. Хорита, уставившись на стол, не двигался, потом медленно протянул руку к тетради.

– Это было среди вещей Мицуо?

– Да. Мама болеет, жене довериться я не могу; не знал, с кем мог бы посоветоваться...

– Ты абсолютно прав. Пока не нужно говорить им об этом.

Листая пожелтевшие страницы тетради, Хорита периодически кивал. Похоже, он обнаружил нечто, чего не удалось понять Тосии.

– Есть какие-то подсказки?

– Меня смущает даже не содержание, а кое-что другое...

– Что? Пожалуйста, скажите!

Сдержав взволнованного Тосию, Хорита показал ему на текст в тетради.

– Смотри, вот здесь, например, написано *centre*. Это британский английский.

– Британский английский?

– Да. В американском английском, который все мы учили, последние буквы «r» и «e» идут в другом порядке, и получается *center*.

– Американский и британский английский отличаются?

– Ну да, так же, как диалекты Тохоку^[23] и Кансая. Здесь есть еще много других примеров... в общем, можно сделать вывод, что писал кто-то, говорящий на британском английском.

«Вот уж, что называется, человек использует английский в бизнесе», – не мог не восхититься Тосия. Тем не менее все это совершенно не приблизило его к пониманию сути дела.

Взглянув на задумавшегося Тосию, Хорита закрыл тетрадь и произнес:

– Я могу оставить ее у себя на некоторое время?

– Да, конечно. У вас есть какие-то мысли?

Хорита встретился взглядом с протянувшим тетрадь Тосией и мрачно кивнул.

6

Он кое-что вспомнил.

Все словно плыло в тумане, и он не мог понять, где находится. И только лицо широкоплечего мужчины с лисьими глазами проступало очень ясно. Следуя за ним, Тосия увидел, как тот входит в небольшое здание. Хотелось проследить и дальше, но чувство страха оказалось сильнее. Если войти внутрь, то, возможно, выйти уже не получится. Не в силах сдвинуться с места, он убедил себя в том, что обознался, и ушел оттуда...

– Осенние и зимние ткани уже поступили?

Голос Хориты заставил Тосию очнуться. Видимо, в какой-то момент он перенесся в другое место.

– Да. Все более-менее укомплектовано. Правда, с зимними думаю еще немного повременить.

Тосия закупал ткани для магазина через оптовую фирму в Осаке. Как правило, весенние и летние были в наличии примерно в марте, осенние и зимние – в сентябре. Крупные и имеющие долгую историю ателье по пошиву костюмов закупают ткани напрямую за границей, поэтому имеют возможность получать их месяца на два раньше, но у них и количество тканей изначально больше, а если еще учесть дорожные расходы и необходимость ведения переговоров с поставщиками, то для Тосии подобный вариант был абсолютно нереален. А поскольку он мог покупать определенное количество тканей через японскую оптовую фирму, то не чувствовал особых неудобств.

– Я собираюсь в Европу зимой. Тосия-кун, думаю заказать у тебя костюм...

– Правда? Большое спасибо. Для меня это будет великолепная практика.

Перспектива неожиданного заказа обрадовала Тосию.

– Ты какой-то рассеянный... Все нормально?

С тех пор, как Тосия обнаружил в комнате матери кассету и тетрадь, в его памяти постоянно возникала одна и та же картина. Он не мог понять, шел ли по следу мужчины с лисьими глазами в реальности или же нет. Возможно, это было что-то вроде провала в памяти, но странным образом Тосия ясно видел мужское лицо, и оно запечатлелось в его голове. Однако, посчитав, что, рассказав об этом Хорите, он доставит ему беспокойство, Тосия уклончиво ответил, что, наверное, просто волнуется.

– Я тоже впервые его увижу, – сказал Хорита и протянул руку к чашке.

Они сидели в маленьком кафе в районе Киото Каварамати^[24], в единственной имеющейся там отдельной комнате с татами.

Сегодня утром Хорита позвонил «по вопросу, который они обсуждали позавчера» и назначил встречу в этом кафе. Тосии было неловко уходить из дома вечером, оставив мать, только что оправившуюся от болезни, и дочь, но он не мог поручить другим дело, касающееся его семьи. Объяснив нахмурившейся жене Ами, что, мол, ничего не поделаешь, работа есть работа, Тосия решительно вышел из дома.

– Значит, он одноклассник дяди?

– Вроде, они были в хороших отношениях. Правда, по его словам, не общались около тридцати лет, поэтому не знаю, насколько его рассказ будет полезным.

Тосии тоже было известно о существовании дяди по имени Тацуо. Он был старше отца на два года. Но Тосия не только ни разу не видел его – более того, отец за всю свою жизнь ни разу не заговорил о нем. Неизвестно, жив ли он сейчас... В общем, это был совершенно чужой человек.

– Хорита-сан, вы были в дружеских отношениях с моим дядей?

– В детстве мы ходили в одну и ту же секцию по дзюдо. В семье Сонэ только Тацуо был высокий. Ведь и Мицуо, и отец Мицуо, и ты тоже – все маленького роста.

Это действительно было так. Рост Тосии был меньше 170 см, про дедушку он точно не знал, а отец тоже был невысокий. Впервые он услышал о том, что дядя занимался боевыми искусствами.

– Поскольку в детстве мы дружили с Мицуо, Тацуо учил меня разным вещам. Он был немного странный, но неплохой человек.

– А где он сейчас?

– Не знаю. Я ведь тоже не видел его больше тридцати лет.

Конечно, разрыв отношений с родственниками случается нередко. Интересно, что будет представлять собой встреча с другом такого родственника... Оставалось еще около десяти минут до назначенного времени, поэтому Тосия продолжил задавать вопросы.

– О чем было написано в тетради?

– Не могу сказать, что во всем разобрался... Одним словом, есть ощущение, что тому, кто писал это, достаточно было того, что он сам понимает, о чем пишет. Тосия-кун, ты слышал историю о похищении управляющего голландским концерном «Хайнекен»?

– Вы имеете в виду пиво «Хайнекен»?

– Да. Я потом еще прочитал в интернете, что это произошло в Голландии. В обмен за солидное вознаграждение Хайнекен и похищенный вместе с ним водитель были освобождены. В преступную группу входили молодые люди, действовавшие очень непрофессионально, и их сразу же задержали. В тетради описываются ход преступления и причины ареста.

– Когда это случилось?

– В ноябре восемьдесят третьего года.

Похищение предпринимателя, произошедшее к тому же за 4 месяца до похищения главы компании «Гинга», вызывало у Тосии непонятные, но неприятные ощущения. Какую же цель преследовал человек – возможно, его отец, – делавший записи в этой тетради?

– Есть также описание акций компании, журналистского клуба, даже структуры японской полиции.

– По-моему, это довольно подозрительно.

– Конечно. Конечно, материала слишком мало, чтобы делать выводы, но несколько фрагментов набирается.

– Фрагментов?

– Во-первых, смотри: на самой первой странице написано *The G. M. Case*, так? *Case* означает «дело»; тогда, возможно, *G* – это «Гинга», а *M* – «Мандо».

– И действительно...

– И еще два момента. Первое – то, что больше тридцати лет назад Сонэ Тацуо *пропал в Англии*.

– Что?..

Тосия был поражен неожиданно возникшей связи с Англией. Записи сделаны на британском английском, тетрадь находится в доме Сонэ, поэтому совершенно естественно предположить, что все это писал его дядя. Но как тогда объяснить наличие кассеты?

– Прошу прощения, к вам пришли, – слышался мягкий киотский диалект хозяйки, и тут же раздвинулись фусума^[25].

– А, пожалуйста...

Сидевший на почетном месте^[26] Хорита поднялся, Тосия последовал его примеру. Хорита рукой пригласил вошедшего мужчину в костюме пройти на почетное место; тот, на мгновение растерявшись, прошел к дзабутону^[27] красного цвета. Когда, заказав пиво, они остались втроем, повисла неловкая пауза. Было очевидно, что мужчина не понимал, для чего его позвали.

После того как, представившись сам, Хорита представил Тосию, мужчина произнес: «Вот оно что...», что можно было принять то ли за удивление, то ли за вздох облегчения. Несмотря на конец августа^[28], его пиджак был застегнут на все пуговицы, но при этом не было ощущения, что мужчине жарко. Редущие волосы были разделены пробором; во взгляде глаз, спрятанных за очками, сквозило чуть заметное сомнение.

Тосия и Хорита протянули свои визитные карточки. В ответ мужчина представился: «Фудзисаки» и, как будто извиняясь,

добавил: «Раньше я работал в финансовой компании в Осаке, но теперь на пенсии». Поскольку он был одноклассником дяди, в этом году ему должно было исполниться 63 года, поэтому отсутствие визитки было в общем-то вполне естественным.

Пока на столе не появились сасими, сушеная соленая икра карасуми и другие закуски, Хорита и Тосия пытались разрядить обстановку разговорами о работе. Фудзисаки в свойственной добропорядочному члену общества манере давал нейтральные ответы и с определенной периодичностью подносил ко рту стакан.

– А ведь Тацуо одевался со вкусом, – улучив момент, нанес удар Хорита, но Фудзисаки с невозмутимым видом ответил:

– Да, он был довольно привлекателен.

– Мы с дядей никогда не встречались. Каким он был человеком? – тут же продолжил Тосия.

В ответ Фудзисаки слегка покачал головой.

– Да нет, в детстве вы должны были встречаться. Он рассказывал о вас.

– Когда это было?

– Когда?.. Не могу вспомнить.

– Он все время жил в Англии, не так ли?

– Некоторое время он перемещался между Японией и Англией, но к тридцати годам вроде окончательно поселился в Лондоне.

Подливая пиво в стакан Фудзисаки, Хорита обратился к Тосии:

– А ведь твой дядя придерживался несколько радикальных взглядов.

– Да он был в буквальном смысле радикалом, – пошутил Фудзисаки, на что Хорита, мило улыбнувшись, как истинный бизнесмен спросил:

– Вы хотите сказать, что он был в составе левого движения?

– Ну, в общем-то, да. И к этому были предпосылки.

Хорита, легко подтвердивший подозрения Тосии, как будто передавая эстафетную палочку, выжидающе смотрел на Фудзисаки.

Тот с задумчивым видом бросил взгляд на сёдзи^[29] и немного хриплым голосом заговорил:

– Отец Тацуо, то есть ваш дедушка, Тосия-сан, оставив семью, уехал работать в Токио^[30]. Там он сблизился с группой местных студентов, часть которых принадлежала к так называемому радикальному движению «новых левых»^[31]. Тосия-сан, вам знакомо выражение «внутренняя вражда»?

Тосия неопределенно кивнул, а Хорита кратко пояснил:

– В особенности начиная с семьдесят второго – семьдесят третьего годов, противостоящие группировки повсеместно стали воевать между собой, и взаимные убийства превратились в обычное дело.

– Да, торжественное линчевание. Уже одно это слово заставляет вздрагивать... Разве это нормально: совершить убийство, а потом давать интервью, словно хвастаясь своими военными успехами? К тому же пострадавшие не всегда были членами этих группировок.

– Вы хотите сказать, что люди, не имевшие к ним никакого отношения, оказывались вовлеченными?

– Да, то есть «случайно попавшими под пулю».

Слушая Фудзисаки, Тосия в определенной степени уже мог предположить, что тот скажет дальше.

– Получается, что дедушка оказался вовлечен в эту «внутреннюю вражду», не так ли?

Фудзисаки утвердительно кивнул. Тосия был взволнован. Конечно, он знал, что дедушка умер еще до его рождения. Но ему не приходилось слышать, когда это произошло и при каких обстоятельствах.

– Это случилось в конце семьдесят четвертого года. На улице в Токио на Сонэ Сэитаро напала радикальная группировка. Я не знаю подробностей, но его избили железной трубой; причина смерти – черепно-мозговая травма. Ему было сорок пять лет.

Тосия был поражен, каким молодым умер дед, и в то же время он ужасно разозлился на себя за то, что даже не видел его фотографии.

Как же так, почему в его жизни существование деда до сих пор было настолько незначительным? Возможно, основная причина в том, что родители почти не говорили о нем. Да нет, даже не почти, а совсем. У Тосии защемило сердце, когда он услышал обстоятельства ужасной смерти деда; но он чувствовал скорее растерянность, чем печаль.

– Поскольку газеты сообщили о том, что смерть Сэйтара была связана с «внутренней враждой», похороны прошли тайно, в Токио, где он работал. В компании тоже решили, что Сэитаро был связан с ультраправой группировкой, поэтому прислали минимальное количество людей. Насколько я слышал, выходное пособие они заплатили, но их отношение к трагедии было довольно прохладным. Через какое-то время одного из нападавших задержали, и доброе имя Сэйтара было восстановлено, но ни один из сотрудников компании ни разу не пришел зажечь хотя бы одну курительную палочку^[32], и Тацуо был ужасно разъярен.

– Отец никогда не рассказывал об этом.

– С моей точки зрения, Тацуо и Мицуо мыслили абсолютно по-разному. По сравнению со студентом Тацуо, думающий о будущем и посещающий колледж кройки и шитья Мицуо был более уравновешенным. Он не выказывал ни гнева, ни печали и полностью погрузился в равнодушный мир пошива одежды.

Слушая рассказ Фудзисаки, Тосия подумал, что очень хорошо понимает отца и что, если б оказался в такой ситуации, вел бы себя похожим образом.

– Тацуо же, наоборот, был не в состоянии контролировать себя. Пойманный преступник повесился в камере предварительного заключения, поэтому, лишившись объекта для вымещения своего гнева, Тацуо возненавидел компанию, категорично объяснив это тем, что «отца использовали и выбросили». В это самое время группа студентов, с которыми общался Сэитаро, приехала навестить их в дом в Киото. По мере того как Тацуо сближался с ними, неожиданно для всех его врагом стала противостоящая левая группировка. С тех пор он заговорил об антимонархизме и антикапитализме.

Что касается 1974 года, Тосии было известно лишь то, что студенческое движение тогда стало затухать, и начало этому положил инцидент Асама Сансо, за которым стояла «Объединенная Красная армия»^[33].

– Когда Тацуо провозглашал идеи антикапитализма, думаю, что он, скорее всего, имел в виду компанию, где работал Сэйтаро-сан.

– Но ведь деда же убили члены радикальной группировки, поэтому мне кажется, что это неоправданная ненависть.

– Да, действительно, как же еще может рассуждать сын Мицуо-сана... – рассмеялся Фудзисаки, а Хорита, подхватив шутку, подлил Тосии пива. – Я ведь говорил о некоторых «фрагментах», имеющих отношение к этому делу.

Другими словами, речь шла о фрагментах, которые указывали на связь дяди и дела «Гин-Ман». Первое – это то, что он был как-то связан с Англией, о втором Хорита сказать не успел. После того как Тосия налил ему пива, Хорита заговорил об этом.

– Компания, в которой работал Сэйтаро-сан, называлась «Гинга».

– Что?

Тосия посмотрел на Хориту и потом перевел взгляд на Фудзисаки, с лица которого мгновенно исчезла улыбка, и оно превратилось в подобие маски.

– Фудзисаки-сан, мы позвали вас сегодня, поскольку думаем, что есть связь между Тацуо и одним делом.

Фудзисаки молча смотрел на тарелку со свежими юба^[34]. Казалось, что он понимает, о чем идет речь.

– Пока Тацуо-сан жил в Киото, вы всегда были вместе, со времен средней школы и до университета. Судя по собранной мной информации, если кто-то и знает про это, то только вы.

В глаза Тосии бросился висевший над почетным местом пейзаж Киото – похоже, вид сверху на каменные ступени склона Нинэндзака^[35]. Прекрасная, цветущая бледным цветом сидарэдзакура^[36] в окружении черепичных крыш торговых лавок. Но Фудзисаки сидел под этой красивой картиной с совершенно каменным лицом.

– Когда вы последний раз виделись с Тацуо? – нисколько не смущаясь, начал наступление Хорита, но Фудзисаки, вздохнув, упорно молчал.

Тосия приготовился к тому, что все-таки придется рассказать всю правду. Пытаясь заглушить набат, начавший бить в его груди, он обратился к Фудзисаки:

– На днях я обнаружил дома странные вещи. Старую кассету и черную кожаную тетрадь. Большая часть текста написана на английском языке, а в конце в общих чертах описан инцидент с кондитерскими компаниями «Гинга» и «Мандо»...

Тосия рассказал и о том, что на кассете записан его детский голос, и эта запись совершенно идентична той, что использовали преступники. Однако хотя, по его мнению, этот рассказ должен был взволновать любого человека, Фудзисаки практически не отреагировал. Глядя на его лицо, не выражавшее почти никаких эмоций, Тосия с ужасом подумал, что, наверное, его единственный козырь не сработал. Откровенно рассказав обо всем, он не только не почувствовал никакого облегчения, а, наоборот, испугался того, не открыл ли он ящик Пандоры.

Фудзисаки, смотревший прямо в глаза Тосии, отвел взгляд и со словами «Вот как...» провел рукой по редким волосам.

– Прошу прощения.

Хозяйка пришла убрать тарелки. Они ели только легкие закуски и напоследок решили заказать рис.

Мужчины опять остались втроем. Хорита и Тосия молчали, ожидая того, что скажет сидевший напротив человек.

– Вообще-то...Тацуо однажды возвращался в Японию.

Тосия почувствовал, как Хорита затаил дыхание. Опередив его, он задал вопрос Фудзисаки:

– Когда это было?

– В феврале восемьдесят четвертого года. И я хорошо это помню. Тацуо позвонил мне домой. Я удивился, поскольку был в полной уверенности, что он в Англии, но обрадовался тому, что наконец-то

после долгого перерыва мы сможем выпить вместе. Однако, когда мы встретились, он показался мне каким-то опустившимся...

Фудзисаки нахмурился, и Тосия, почувствовав, что сейчас должен открыться важный факт, касающийся его дяди, напрягся.

– Было совсем не похоже, что в жизни у него все хорошо, поэтому я полушутя предложил ему: «Может, тебе денег одолжить?». На что он ответил: «Деньги мне не нужны, но я хочу кое-что у тебя узнать».

Фудзисаки поднял глаза, чтобы убедиться, что Тосия и Хорита внимательно смотрят на него.

– Тацуо назвал пять компаний и спрашивал об их акциях. Да, я действительно работал в компании, имевшей отношение к финансам, но это не означало, что я располагал информацией обо всех этих фирмах. Я так четко помню этот момент, поскольку среди упомянутых Тацуо названий были производители продуктов питания «Матайти сёкухин», кондитерских изделий «Мандо сэйка» и «Хоуп сёкухин». Хотя, конечно, я обратил на это внимание лишь спустя время...

– Еще две компании – это «Гинга» и «Хатоя»? Или «Сэццуя»?

– Нет.

Хотя на вопрос, заданный Хоритой, был тут же дан отрицательный ответ, Тосия знал, что эти две компании также связаны с производством продуктов питания. Но наиболее активно преступная группировка из дела «Гин-Ман» действовала именно в первых четырех случаях. Дядя выяснял информацию об акциях трех из этих фирм. К тому же это было за месяц до похищения главы «Гинга» Кикуги.

Выходит, что во время преступных актов дядя находился в Японии...

– Потом он назвал четырех людей и спросил, не знаю ли я кого-то из них. Два имени оказались мне знакомы. Но, откровенно говоря, это были люди, к которым я не хотел иметь никакого отношения.

– Все четверо – мужчины?

– Да.

– Кто же эти двое, о которых вы слышали?

Услышав прямой вопрос Хориты, Фудзисаки снял очки, заморгал и уклончиво произнес:

– Простите, но я не готов ответить...

– Но ведь речь идет о событиях более чем тридцатилетней давности, не так ли?

– Да нет... Поймите, дело не в том, что я вам не доверяю, но неизвестно, кто с кем и где может быть связан. К тому же оба уже покойники, поэтому найти их вряд ли удастся.

– Дело очень запутанное, поэтому ваше нежелание рассказывать хорошо понятно. Однако, раз их уже нет в живых, может быть, ничего страшного? Клянусь, это останется только между нами.

Чувствуя неловкость за дерзость Хориты, Тосия, подавшись вперед, опустил голову. Фудзисаки поправил очки и опять провел рукой по волосам.

– Один – член мафиозной группировки, второй – концессионер.

– Концессионер? – переспросил Тосия.

В ответ Фудзисаки, тщательно подбирая слова, заговорил:

– Ну, в мире существуют деньги, взявшиеся неизвестно откуда. Большая их часть связана с концессиями. Люди ведь робеют перед призраками... Сейчас эти призраки не имеют силы, но во времена Сёва они превращались в деньги.

Хотя Фудзисаки говорил так, будто пытался обойти минное поле, Тосия тем не менее смог в целом понять его. Когда ты живешь на свете 36 лет, иногда приходится сталкиваться с вещами, которые невозможно понять.

– Поскольку акции были привязаны к этим двоим, я посоветовал Тацуо забыть об этом. Хотя я не знал подробностей его замысла, но чувствовал, что ему не следует ввязываться в такое.

Тосия пытался вспомнить дядю, но в памяти не всплывал даже его силуэт. И тем не менее сквозь полный мрак вот-вот должен был пробиться луч света. Он ощутил сильное волнение, почувствовав, что

еще немного, и перед ним возникнет образ преступника, замешанного в деле «Гин-Ман».

По крайней мере, Фудзисаки что-то знал. Знал, но в течение всех этих тридцати с лишним лет молчал.

– Каков же был ответ дяди?

– Он ничего не сказал, лишь рассмеялся.

Как тетрадь, принадлежащая дяде, оказалась в их доме? Неужели отец был сообщником преступников?

Известно, что к делу «Гин-Ман» имели отношение три ребенка. Кассеты, на которых были записаны голоса каждого из них, использовались для совершения преступления. Что за дети были остальные двое? Где они сейчас и чем занимаются? Если допустить, что дядя и отец втянули их в это дело, то, возможно, на Тосии, как на их родственнике, тоже лежит ответственность... Волнение, которое он ощущал до этого, сменилось страхом.

– Я очень прошу вас назвать имена этих двух людей, – прервал мрачные размышления Тосии голос Хориты.

– Нет, не могу. Простите...

События, к которым имели отношение люди, уже покинувшие этот свет, произошли более тридцати лет назад. Что же так пугает 63-летнего здравомыслящего мужчину? Внутренний голос удерживал Тосию, предупреждая об опасности, которая может грозить ему, если он узнает что-то еще. Но с другой стороны, Тосия чувствовал, что нужно выяснить все до конца.

– Фудзисаки-сан, мы видим друг друга впервые, и мне ужасно неловко за свою наглость... Но мне просто необходимо узнать, почему эта кассета находится в моем доме. И почему мой голос был использован для совершения преступления.

Тосия почтительно склонил голову, а Фудзисаки, нахмурившись, скрестил руки на груди. Некоторое время он беспокойно покачивался из стороны в сторону, потом вздохнул и опустил руки. Тосия и Хорита сидели молча.

Наконец, словно приняв решение, Фудзисаки кивнул и, опустив взгляд, монотонным голосом заговорил:

– Я больше не собираюсь иметь к этому никакого отношения, но расскажу лишь одно. Один мой знакомый был свидетелем встречи преступной группы...

Глава 2

1

Раздавался неприятный монотонный звук.

Мужчина, сидевший скрестив ноги на стуле с красным сиденьем, тыкал кончиком ручки с логотипом газеты в бумажную коробку. Комната для совещаний отдела городских новостей редакции газеты «Дайнити», как всегда, выглядела очень прозаично. В центре стоял белый длинный прямоугольный стол, по углам были расставлены дополнительные стулья.

«Я не против однообразия, – подумал Акуцу Эйдзи. – Меня больше беспокоит отсутствие окон».

Когда-то, будучи новичком, он отвечал за освещение в газете работы полиции. Однажды на месте пожара один нетрезвый гражданин из толпы зевак напал на него и был арестован по подозрению в совершении хулиганских действий. Тогда, в качестве потерпевшего, в течение трех часов Акуцу давал свидетельские показания в полиции. Протокол в то время составлялся от руки, и молодой следователь вел с ним неспешный диалог, переписывая все заново каждый раз, когда делал ошибку. Акуцу не был подозреваемым, но комната размером в три татами, где имелась только входная дверь, а остальные три стены были глухими, психологически сильно давила на него.

– Ну что, в итоге все безрезультатно? – Тории печально покачал головой и нарочито вздохнул.

Акуцу выпрямился.

– Я только одно хочу уточнить... – Тории, продолжавший невозмутимо тыкать в коробку с йоркширским чаем – сувениром из Англии, – был для Акуцу не живым человеком, а скорее призраком, на установление взаимопонимания с которым можно и не рассчитывать. – Ты в Англию ездил материал собрать или чаю купить?

Акуцу сидел не шелохнувшись и молчал. Глядя на стену, на которой не было ни одной приличной картины, он опять подумал, что если б было хоть одно маленькое окно, он чувствовал бы себя спокойнее.

– Ну так что, за материалом или за чаем?

Акуцу в отчаянии подумал, что, может быть, следует ответить Тории, который, вращая глазами, смотрел на подчиненного: «За чаем», но не мог пошевелить губами, они как будто покрылись льдом.

– За материалом, – выдавил он, на что Тории пренебрежительно произнес:

– Неужели? Что ж, в таком случае ты готов что-то написать?

Не прекращая движений левой рукой, державшей ручку, правой он швырнул на белый стол тонкую пачку бумаги, состоящую из пяти листов формата А4. Это был представленный Акуцу отчет о командировке. Большую часть составляли краткое изложение истории похищения иностранного предпринимателя, которую он услышал в пабе в Сохо, и описание техники ведения переговоров по освобождению заложников. Как ни старайся, все это было сложно привязать к делу «Гин-Ман».

Встреча с Софи Морис не принесла никаких результатов, и Акуцу с вокзала Шеффилда позвонил Колину, выразив ему свое негодование. Однако тот сначала пустил ему пыль в глаза, сказав: «Я буду и дальше собирать информацию, так что ты можешь рассчитывать на меня, – а потом продолжил: – Я собираюсь поехать в Японию, ты будешь моим гидом?». От такой наглости Акуцу растерялся, но, несмотря на это, ничего не возразив, согласился – и был поражен собственной добротой.

Днем следующего дня после возвращения из Шеффилда Акуцу отправился в аэропорт Хитроу, и когда, проделав такой же длинный путь с пересадкой в Дохе, наконец-то вернулся в Японию, он был совершенно опустошен. Несмотря на тяжелую командировку, он не только не нашел загадочного азиата, но даже не напал на его след.

Для профессионала важно предоставить результат, а единственным его подарком оказалась пачка чая, что было ужасно стыдно.

– Ну, из всего этого получится выжать пять-шесть строчек, самое большее. Столько расходов!.. Сколько стоит одна твоя строчка? Ты что, возомнил себя Отиаем перед завершением карьеры?

Акуцу вспомнил, как подтрунивали над Отиаем Хиромицу^[37], когда тот был игроком «Ниппон-Хэм файтерс»: «100 миллионов иен за один хоум-ран»^[38], и, оценив юмор Тории, чуть не рассмеялся.

– И каковы дальнейшие перспективы?

– Что? Дальнейшие?

– Ты что, действительно думаешь, что отделаешься таким ни на что не годным отчетом?

Глядя на Тории, поменявшего перекрест тонких ног, Акуцу пробубнил:

– Нет... – и, подумав, что, похоже, он в ловушке до окончания проекта, впал в отчаяние.

– Раз не получилось с Хайнекеном, двигайся дальше. Найди что-нибудь во что бы то ни стало.

Сказав это, Тории зажал под мышкой пачку с йоркширским чаем и, как обычно, не говоря ни слова, выключил свет и вышел из комнаты. Акуцу сидел в темной комнате, куда не проникают солнечные лучи, и с ужасом думал о том, что теперь придется начинать все сначала.

Чтобы глотнуть свежего воздуха, он вернулся в отдел культуры – и не успел подойти к столу, как раздался звонок по внутренней линии.

– Акуцу-сан? Это Окада из бухгалтерии.

Акуцу пробубнил что-то невнятное в ответ, и Окада деловым тоном сообщил, что он звонит по поводу покупки мобильного телефона в Англии. По его словам, чем покупать телефон, было бы, наверное, дешевле воспользоваться своим смартфоном, изменив в нем настройки.

– Я слышал, что если использовать свой смартфон за границей, расходы на связь будут за пределами.

– Вот поэтому и нужно менять настройки. Если сложить стоимость мобильного и оплату звонков, получается довольно дорого.

– Вот оно что...

– Сейчас уже ничего нельзя поделаться, но в следующий раз, пожалуйста, посоветуйтесь заранее.

Закончив свой монолог, Окада отключился. «Неприятный тип», – подумал Акуцу, вешая трубку, и оглядел комнату, в которой во второй половине дня царило затишье.

– Да, похоже, нелегко тебе... – потянувшись на стуле, подал голос Томита из отдела шоу-бизнеса.

– Это все из-за вас, Томита-сан. Почему вы тогда не отказались?

– Ничего не поделаешь. Перед Тории-саном мы с тобой равны. Кошки, которых одолжили для ловли мышей.

Услышав слово «кошка», Акуцу вспомнил, как Тории сказал: «Настолько, что хочется попросить помощи не только у кошки, но и у иваси». С самого начала идея отправить «иваси» в Лондон была ошибочной.

– Акуцу-кун тут?

В дверях стоял абсолютно лысый мужчина маленького роста и, вытянув шею, оглядывался по сторонам. Это же... Чтобы вспомнить, понадобилось несколько секунд.

– Мидзусима-сан, – воскликнул Акуцу и направился к входу.

– Извини, что отвлекаю. Хотел кое-что спросить...

«Бывают же такие редкие гости», – подумал Акуцу. Насколько он помнил, Мидзусима был заместителем главного редактора отдела городских новостей семь-восемь лет назад. О его дальнейшей карьере точно известно не было, но сейчас Мидзусима перешел в компанию-партнера. Когда Акуцу только начинал и работал в филиале редакции в Химэдзи^[39], для подготовки репортажа о чемпионате мира по футболу он обратился за помощью в отдел городских новостей в Осаке, и Мидзусима очень помог ему тогда. И потом, каждый раз, когда он обращался в главную редакцию в Осаке во время инцидента со сходом с рельсов, произошедшего на линии

JR Фукутияма, и других происшествий, Акуцу встречался с Мидзусимой. Нельзя сказать, что они очень близки, но точно не совсем чужие.

– Я слышал, ты ездил в Англию в связи с делом «Гин-Ман»?

– Д-да...

Акуцу встревожило то, что человек из компании-партнера в курсе этого. Он заволновался, подумав о том, что об этом уже ходят слухи.

– Расскажи-ка мне, пожалуйста...

– Но, кроме как про фиш-энд-чипс [\[40\]](#), мне рассказывать особо нечего.

– Это что еще? Рыбные картофельные чипсы?.. Пойдем-ка ко мне в офис. Хотя бы пивом тебя угощу.

Хотя Акуцу не был в восторге от идеи выпивать среди бела дня, но, возможно, ему удастся добыть какую-нибудь информацию. Он взял блокнот и ручку и последовал за Мидзусимой.

Рекламный отдел «Дайнити Осака» находился на третьем этаже главного корпуса. Это был небольшой офис, где от силы стояло десять столов. Сейчас там оставалась лишь одна сотрудница. Мидзусима поприветствовал ее и вошел в находящийся в глубине «кабинет главы компании». Акуцу, поздоровавшись с женщиной, прошел следом.

– Мидзусима-сан, вы глава компании?

– Да. После того как ушел из отдела городских новостей, я был главой региональной редакции, потом попал в рекламный отдел. В общем, после шестидесяти стал амакудари [\[41\]](#).

– Даже и после шестидесяти не очень-то расслабишься, верно?

Акуцу не знал, как лучше прокомментировать карьеру Мидзусимы – похвала или сочувствие казались ему в равной степени неуместными, – поэтому он сказал первое, что пришло в голову. В тесном кабинете довольно сложно было почувствовать себя непринужденно.

– И в рекламе тоже есть разные способы заработать, так что все интересно. Правда, приходится подсчитывать прибыль и убытки, и

это довольно тяжело... Ну, в общем, если подробно, придется рассказывать до темноты, так что садись-ка сюда.

Мидзусима, забыв про субординацию, сказал: «Я пошел за пивом» и весело вышел из кабинета. Похоже, ему ужасно хотелось поговорить о деле «Гин-Ман». Спустя некоторое время он вернулся с двумя банками пива и с тарелкой, на которой лежали сардины в масле. Акуцу, поблагодарив, взял одну банку, и они, чокнувшись, выпили.

– Боишься Тории?

– Да.

Мидзусима засмеялся, услышав мгновенный ответ Акуцу.

– Даже этот свирепый человек во времена «Гин-Ман» был всего лишь учеником старшей школы, так что это дело совсем древнее.

Акуцу не мог представить Тории старшим школьником. Несомненно, тот был наглым мальчишкой, и даже если б Акуцу тогда вступил с ним в словесную перепалку, он оказался бы беспомощным и вряд ли смог бы одержать победу.

– Ведь прошло уже больше тридцати лет, и тем не менее люди продолжают помнить... так что дело действительно поразительное. С того момента, как все началось, и до конца года я отдыхал лишь один раз в августе. Даже первого января пытался звонить кому-то и искать информацию...

Мидзусима начал хвалиться своей чудовищной занятостью: это было любимой темой журналистов, работающих в газетах. Подумав, что вот поэтому-то он и не любит отдел городских новостей, Акуцу вздохнул, но вдруг услышал слова «помощник редактора первого отдела», и потянувшаяся было к сардинам рука, держащая палочки, застыла.

– Помощник редактора первого отдела? Мидзусима-сан, вы тогда входили в журналистский пул полиции префектуры?

– Да. Правда, я занимал самую низкую позицию. Был в подчинении у Мифунэ-сана.

Мифунэ являлся легендарным главным редактором первого отдела, который по делу «Гин-Ман» выдавал один сенсационный материал за другим. Акуцу не был знаком с ним, но и сейчас его имя гремело и было известно даже молодым журналистам других изданий. История о том, как он ходил с заявлением об увольнении со словами: «Если кто-то опередит меня, сообщив об аресте преступника, я покину редакцию», – действительно героический рассказ о настоящем криминальном репортере эпохи Сёва. И если даже такому человеку не удалось приблизиться к преступникам, на что может быть способен сейчас, по прошествии более тридцати лет, никчемный журналистишко из отдела культуры?

– Что ты думаешь про кассету семьдесят восьмого года?

– Да, было что-то...

– Слушай, тебе нужно побольше работать.

Сморщивший лицо наподобие мопса, Мидзусима пошел к письменному столу в форме знака катаканы «ко»^[42] и присел на корточки. Из скрипучего ящика он достал два больших бумажных пакета и вернулся обратно.

– Это... – Акуцу показал на раздувшиеся пакеты, и Мидзусима, будто только этого и ждал, вытряхнул из них все содержимое. Документы, файлы, брошюры, вырезки, подобно снежной лавине, обрушились на стол.

– Это все материалы по делу «Гин-Ман». Есть еще кое-что дома, но самое важное собрано здесь.

– Почему все это хранится у вас в кабинете?

– Я ведь слышал о проекте. И подумал, что ко мне могут обратиться.

Мидзусима специально принес из дома эти тяжелые материалы и, подобно девице, ожидающей, когда ее снимут, сидел в кабинете в полной готовности. Однако, не дождавшись обращения, но не испытывая особого желания неожиданно заявиться в отдел городских новостей, он, видимо, решил действовать через журналиста из отдела культуры, которому когда-то помогал...

– В семьдесят восьмом году руководству компании «Гинга» была отправлена кассета. Мужской голос на кансайском диалекте угрожал: «Собирайте средства для моих знакомых радикалов», «Если не выполните мои требования, буду добавлять яд в ваши продукты и разбрасывать их», говорил о подкупе «Гинга» своих партнеров...

Внимательно слушая рассказ Мидзусимы, Акуцу просматривал материалы: может быть, найдется что-то, что он мог бы использовать. В основном там были записи, сделанные от руки, и тетради, поэтому читать, разбирая корявые знаки, вопреки ожиданиям, оказалось нелегким делом.

– Акуцу-кун, ты слушаешь?

Услышав недовольный голос Мидзусимы, Акуцу рассеянно ответил: «Да, конечно» и взял в руки копию газетной статьи. Это было издание, посвященное рынку акций под названием «Биржевой журнал». Акуцу обратил внимание на заголовок «Продолжается покупка акций биржевыми спекулянтами из Европы». Выпуск – январь 1984 года. В статье шла речь о том, что акции «Гинга» дорожают. Акуцу бросилась в глаза фраза: «Учащаются факты покупки акций иностранцами, прежде всего в Лондоне». От слов «покупки иностранцами» тоже веяло эпохой, но все-таки особый интерес вызывал Лондон.

– Мидзусима-сан, посмотрите, здесь говорится об акциях; это имеет отношение к Лондону?

Мидзусима взял копию статьи, пробежал глазами и со словами: «Совсем не помню» почесал висок с остатками волос.

– Да, ведь рассказывали, что преступник разбогател на акциях...

Бывший редактор первого отдела пробормотал то, что давно было известно всем криминальным репортерам. «Вот как», – вяло отреагировал Акуцу и опять взял в руки статью. Газета вышла за два месяца до похищения главы «Гинга» Кикуги. За два месяца до преступления акции потерпевшей компании выросли, и, вероятно, здесь замешан Лондон.

Что-то тут есть...

– Это тебя так сильно взволновало?

Наверное, скучно было смотреть на кохая^[43], который из такого количества материалов, усыпавших стол, обратил внимание на статью, не представлявшую никакой важности. Мидзусима с безразличным видом откинулся на спинку стула.

– У вас в компании есть кто-нибудь, разбирающийся в акциях?

– Наверное, есть, но быстрее будет связаться с редакцией этой газеты напрямую.

Подумав, что, наверное, это правильно, Акуцу допил пиво и со словами: «Не буду откладывать, попробую узнать», поднялся.

– Это ведь произошло больше тридцати лет назад, поэтому можно так не торопиться...

Хотя Акуцу и было неловко оставлять загрустившего Мидзусиму одного, он, поклонившись, решительно закрыл за собой дверь.

2

Понадобилось несколько минут, чтобы понять, что густо разросшиеся вдоль аллеи деревья, – это сакуры, цветы которых уже отцвели.

Префектура Осака, город Сэтцу. Под словно дымившимися облаками все выглядело поблекшим, и только цветущий вдоль канала ликорис, внося дисбаланс, будто ярко-красная помада на лице без косметики, радовал глаз. Вороны, сидевшие на ветках деревьев и на скамейках, будто одновременно вспомнив что-то, взлетели и теперь низко кружились, словно преграждая путь. Глядя на этот унылый пейзаж, Акуцу ничего не оставалось, как горько усмехнуться.

С грузового терминала станции, находящегося поблизости, беспрерывно раздавалась электронная мелодия, возвещавшая об отправлении. В середине сентября было гораздо более душно, чем летом в Лондоне. Засучив рукава рубашки, Акуцу сделал фото ликориса – может, пригодится в будущем...

Несмотря на будний день, согласно расписанию в отделе культуры, у него был выходной. Однако из-за того, что у Акуцу, как у отвечавшего за телевидение и театр, было много различных обязанностей, связанных с культурными мероприятиями – например, посещение концертов и спектаклей, – он совершенно не мог сосредоточиться на подготовке материалов по делу «Гин-Ман». В любом случае выходной день уже накрылся: раньше он читал бы книжку, потягивая пиво, а нынче приходится отправляться на место происшествия...

Акуцу пытался связаться с редакцией «Биржевого журнала» по поводу статьи, обнаруженной среди материалов Мидзусимы, но из-за невозможности установить имя журналиста и отсутствия собранных им данных он не мог рассчитывать на разъяснения. Хотел разобраться хотя бы с движением рынка акций во время дела «Гин-

Ман», но никак не получалось найти того, кто мог бы внятно разъяснить события, происходившие в Кабутотё^[44] больше тридцати лет назад, поэтому эти полмесяца Акуцу находился в подвешенном состоянии, ожидая ответы на просьбы об интервью, которые он везде рассылал.

Однако до тех пор, пока Акуцу находился под надзором Тории, он не мог просто сидеть и ждать. В выходные, когда навещался в отдел городских новостей и просматривал базу данных, имеющих отношение к делу, он получал нагоняй от вездесущего Тории.

– Недостаточно только статьи просматривать. Обрати также внимание на вырезки восемьдесят четвертого и восемьдесят пятого годов.

Излюбленным методом Тории было увеличить человеку объем работы и уйти. И хотя заискивать, подобно школьнику перед старшими, было довольно стыдно, но, как бы Акуцу ни старался, ему не удавалось побороть в себе чувство покорности.

Пробежать глазами больше тысячи страниц текста, к тому же такого мелкого, что без лупы практически не читается, было очень трудно. Акуцу листал страницы, параллельно делая пометки, и копировал статьи, связанные с делом «Гин-Ман», но еще не отработал материалы даже за месяц, как его концентрация уже оказалась на исходе. Постепенно он начал получать удовольствие от газетной рекламы и все чаще стал отпускать комментарии вроде: «Это же мадам Ян» или «Натори Юко что-то слишком навязчива»^[45], отвлекаясь от главной темы. В рекламе, занимающей целую газетную полосу, компания «Сони» в связи с войной видеокассетных форматов вела печальный диалог, задавая вопрос: «Исчезнет ли “Бетамакс”?» и отвечая: «Конечно нет». Увидев это, Акуцу пришел в ужас от того, что в действительности все вышло ровно наоборот.

* * *

Ему понадобилось две недели, чтобы прочитать печатные материалы за два года, и решив, что следует обойти по крайней мере основные места, где все произошло, он вышел из дома. Сейчас Акуцу шел в окрестностях границы городов Сэтцу и Ибараки. Это были спальные города, расположенные в пределах десяти километров от Осаки. Акуцу тоже доводилось проезжать их на машине, но в самих них он никогда не бывал.

Аллея закончилась, дальше шла гравийная дорожка. Справа обзор закрывали густо росшие кусты, слева через равные интервалы стояли засохшие деревья. Как напоминание о вчерашнем дожде, кое-где можно было увидеть лужи.

Когда кусты с правой стороны расступились, взору предстали несколько железнодорожных путей, уходящие на северо-восток, на одном из которых стоял грузовой поезд. Акуцу, нарисовавший в голове карту окрестностей реки Аигава, почти сразу же увидел ее. Переведя взгляд налево, на противоположной стороне канала, протекающего параллельно реке, он заметил маленький домик прямоугольной формы. Волнение заставило его ускорить шаг, и Акуцу сам не заметил, как побежал по гравийной дорожке.

Он стоял прямо напротив домика; между ними пролег канал. Основу грубых стен составляли бетонные блоки. Они были бледно-серого цвета, такого же, как сегодняшнее небо. На жестяной крыше сидели семь-восемь ворон. Было ощущение, что время остановилось, что он смотрит на фотографию, изображавшую склад с инвентарем для борьбы с наводнением, которая была сделана тридцать один год назад. Глава «Гинга» Кикүти Масаёси, похищенный группой из трех мужчин, несомненно, был заперт на этом складе.

Рядом располагался маленький мостик, перекинутый через канал. Акуцу прошел между проржавевшими железными перилами. Только спустился с моста и ступил на буйно растущую траву, как тут же взлетели несколько прозрачных насекомых, которых он видел

впервые, и, будто отреагировав на них, вороны, сидевшие на крыше, взмахнули крыльями.

Вход на склад, располагавшийся с восточной стороны, зарос травой; похоже, приблизиться к нему будет нелегко. Акуцу не мог попасть туда, поэтому прошел мимо, поднялся по каменной лестнице и вышел к дамбе. Стоя на песке, он смотрел на неспешно текущую широкую Аигаву, слушал раздающийся из травы стрекот кузнечика – и почти забыл обо всем происходящем в Осаке.

– Хорошо, что я нашел такое место...

Акуцу оглянулся и посмотрел на склад. Теперь была видна его северная сторона; стало видно, что в нем два этажа. Вокруг вывески с названием, висевшей под окном второго этажа, летали желтые бабочки. Это место могли обнаружить лишь люди, хорошо знавшие округу. Людей здесь не было, поэтому даже если взрослый человек будет громко кричать, никто не услышит.

Акуцу взглянул на двустворчатые двери, через которые выбрался Кикиути, затем перевел взгляд на находящийся сразу напротив через канал осакский грузовой терминал. Кикиути, вырвавшись из помещения склада, который никем не охранялся, миновал мостик с ржавыми перилами и, собрав все силы, побежал на территорию той большой станции.

На рассвете 19 марта 1984 года, примерно через четыре часа после похищения Кикиути, в доме одного из представителей руководства «Гинга» раздался телефонный звонок: некто просил заглянуть в телефонную будку. Получившие информацию члены следственно-оперативной группы обнаружили там коричневый конверт. В нем лежал напечатанный на машинке лист бумаги с требованием одного миллиарда иен наличными и ста килограммов золотых слитков, а также с описанием способа передачи выкупа. Всего преступная группа отправила пострадавшей компании семьдесят одно письмо с угрозами, но это письмо было первым.

Необычное преступление с похищением главы крупной компании и требованием выкупа абсурдного размера повергло в состояние

смятения и паники и полицию, и средства массовой информации. Доказательством этого было, например, первое информационное соглашение, заключенное спустя более десяти часов с момента совершения преступления. Информационное соглашение заключается прежде всего для того, чтобы сделать вид, что семья похищенного «не сообщает в полицию». Интересно, какого результата хотели добиться этим соглашением, заключенным уже после того, как и газеты – и на первых полосах и в разделе городских новостей своих утренних выпусков – и телевидение в главных новостях сообщили о похищении.

Вечером следующего дня преступник, прокручивая кассету с голосом Кикуги, четыре раза звонил представителю руководства и приказал принести деньги в ресторан, но не появился там.

В помещении склада, где, как считается, была записана эта кассета, преступники связали Кикуги руки и ноги, заклеили ему рот скотчем и надвинули на глаза шапку, чтобы полностью закрыть ему обзор. Хотя прямо на голое тело они надели пальто и давали ему сладкие булочки и баночный кофе, но делали это не по доброте душевной, а для того, чтобы минимально поддерживать его жизненные функции.

Через три дня, 21 марта, после двух часов пополудни на территории грузового терминала Осаки сотрудник железной дороги обнаружил одетого в черное пальто Кикуги, бредущего по путям. На его правом запястье болталась веревка, волосы были взлохмачены, на щеке виднелся глубокий шрам. Хотя его обещали убить, если он вздумает сбежать, Кикуги жутко напугали заявления преступников, что они «похитили и его старшую дочь». Ему удалось ускользнуть со склада, рискуя собственной жизнью. Когда Акуцу представил, что мог чувствовать отец, беспокоящийся о дочери, у него защемило сердце.

Интересно, какие разговоры велись внутри этого склада, находящегося сейчас перед его глазами? Мог ли Кикуги предвидеть долгие дни жесткого противостояния, которые последуют дальше?..

Вздрогнув от резкого звука мотора, Акуцу глянул вдаль, на противоположный берег. На склоне стоял мужчина в рабочей одежде и водил триммером из стороны в сторону. Если б все произошло летом или осенью, когда еще жарко, то, возможно, нашлись бы один-два свидетеля...

Несмотря на бегство заложника, преступники продолжали требовать деньги. В такой обстановке 8 апреля две общенациональные газеты и полицейское управление получили письменный вызов. Он начинался со слов: «Уважаемые тупые полицейские» и содержал разные подсказки – например: «Мы использовали машину серого цвета» – и насмешки. Это было первое из отправленного семьдесят одного письма. Умело лавируя, отправляя письма с угрозами в компании и бросая вызов средствам массовой информации, преступники перехватили инициативу.

В действительности полиция и СМИ осознали подлинные намерения преступников лишь вечером 10 апреля, когда были устроены несколько поджогов. Кто-то поджег фургоны, стоящие на стоянках у зданий опытного производства штаб-квартиры «Гинга» и группы компаний продуктов питания. Рассматривая сложившуюся ситуацию как очень серьезную, Национальное полицейское агентство открыло «дело особой важности № 114» и отдало приказ всем префектурным отделениям полиции оказывать содействие в расследовании. Свои угрозы преступники подписывали «Курама Тэнгу»^[46], а в рассылаемых в редакции газет письменных вызовах сообщали, что «добавили в продукцию “Гинга” цианид калия». И хотя в итоге отравы в кондитерских изделиях обнаружено не было, но как только все газеты сообщили о содержании этих писем, продукция «Гинга» тут же была полностью снята с магазинных полок, а акции компании начали быстро падать в цене.

Акуцу взял в руки маленький фотоаппарат, которым он некоторое время назад снимал ликорис, и стал щелкать склад с разных ракурсов. С точки зрения журналиста, это была невероятная удача, что следы преступления, совершенного в эпоху Сёва, сохранились

настолько хорошо. Хотя больше ничего нового Акуцу не обнаружил, но, находясь теперь там, где все произошло, ощущая дуновения ветра и слушая стрекот насекомых, он живо ощутил, что когда-то здесь действительно прятались преступники.

Когда Акуцу просматривал материалы, в которых детально рассматривался образ похитителей, он часто встречал выражение «версия нулевой точки». Согласно ей, по меньшей мере один из преступников каким-то образом был связан с «Гинга». Эта версия базировалась на нескольких моментах. Во-первых, в письмах с угрозами, отправленных еще в пять компаний, кроме «Гинга», к их главам или кому-то из руководства обращались по фамилии, и только письмо в «Гинга» было адресовано «Масаёси», то есть использовано имя. Во-вторых, когда преступники ворвались в резиденцию Кикуги, они забрали ключ именно от подсобной комнаты, через которую было проще всего проникнуть в дом. В-третьих, им было известно имя водителя и финансовые показатели компании, о которых не говорилось в отчете по ценным бумагам. И последнее: организовывая поджог здания опытного производства штаб-квартиры «Гинга», они точно определили место, которое быстрее всего может загореться. Насколько понял Акуцу, изучая материалы, имелось немало следователей и журналистов, поддерживавших эту версию.

Сезон моросящих дождей сменился ранним летом, но «Курама Тэнгу», подобно боксеру, наносящему сокрушительные удары, продолжал угрожать. Полиция префектуры Осака была полна решимости арестовать преступников и развернула серьезную военную операцию, сильно повлиявшую на ход дела «Гин-Ман»...

Акуцу не заметил, как триммер затих. Рабочего на противоположном берегу уже не было.

– Никого нет...

Глядя на этот грустный пейзаж, Акуцу вдруг подумал, что если представить это дело в форме круга, то сейчас он находится в его центре. В те времена взгляды следователей полиции префектуры и

преступной группы были устремлены на ресторан якинику^[47] в городе Сэтцу, до которого отсюда было меньше десяти минут на машине...

В субботу 20 июня 1984 года, примерно в 19 часов 10 минут белая «Тойота Королла», в которую были загружены 300 миллионов иен, отъехала от штаб-квартиры «Гинга». Около 20 часов, в соответствии с инструкцией преступников, сотрудник компании в белой спортивной куртке и брюках вошел в ресторан якинику и подошел к расположенному у окна столику. В припаркованной на стоянке «Королле» ждали еще один сотрудник и переодетый оперативник из особого подразделения префектурной полиции Осака; кроме того, один полицейский лежал наготове в багажнике.

Около 20 часов 5 минут трое мужчин подошли к молодой паре, остановившей машину на набережной с восточной стороны реки Ёдогава, примерно в трех километрах от ресторана. Один из них просунул в открытое со стороны водительского сиденья окно двуствольное ружье и приказал выйти. Водитель оказался бывшим офицером Сил самообороны^[48], поэтому был уверен, что сможет дать отпор. Однако не успел он выйти из машины и занять позицию напротив мужчины с ружьем, как тут же получил сильный удар в лицо от вышедшего из-за его спины другого нападавшего. Молодой человек упал; в этот момент третий мужчина крепко схватил сзади обеими руками девушку и, угрожая ножом, втолкнул ее на заднее сиденье.

– Поднимешь крик – и ей конец.

Молодой человек вернулся за руль, двое преступников сели сзади и приказали трогаться.

Примерно в 20 часов 45 минут вошедший в ресторан по приказу преступников молодой человек получил от сотрудника в белой спортивной куртке ключи от «Короллы». Он направился к парковке, попросил ожидавших в машине двух мужчин выйти и сел на водительское место. Затем нажал на газ, намереваясь, следуя указаниям преступников, возвращаться к набережной. Но, проехав в

северном направлении всего 550 метров, «Королла» внезапно заглохла. Дело в том, что находившийся в багажнике оперативник нажал на специальный выключатель. Префектурная полиция Осаки оборудовала машину таким образом, чтобы даже из багажника можно было выбраться наружу, что говорит о том, с каким рвением она занималась этим делом. Это была война, на успех в которой была поставлена репутация особого подразделения первого отдела расследований полиции префектуры Осака.

На самом деле, «Гинга» один раз пыталась действовать за спиной полиции. Не поставив ее в известность, представители компании доставили деньги в назначенное место, но из-за того, что в этот раз преступная группа только начала прощупывать почву, сделка не состоялась. «Гинга», вне всяких сомнений, была загнана в угол. Поняв это, полиция решила, что в следующий раз преступники действительно придут за деньгами, поэтому проводила многочисленные учения, имитируя задержание с поличным. Главное управление расследования расположило специальный отряд в составе тридцати человек в окрестностях ресторана якинику. Один из оперативников, чтобы не вызывать подозрений, привел жену и ребенка и прикинулся посетителем.

Дело особой важности, взятое под контроль Национальным полицейским агентством... Тяжелое положение, в котором оказались пострадавшие компании... Приготовившиеся атаковать преступники... 2 июня 1984 года наступил решающий момент, и для следователей, представляющих префектурную полицию Осаки, наступал час икс.

Однако здесь они столкнулись с многочисленными несчастьями.

Из-за того что с радиосигналом, который был необходим для связи, возникли неполадки, двигатель «заглох слишком рано», и весь стратегический план, согласно которому предполагалось отогнать машину в укромное место и заменить ее на абсолютно идентичную, быстро развалился. Преступники напали на молодую пару на восточном берегу реки Ёдогава, но не оставили без внимания и

западный берег, чего полиция не учла. Кроме того, во избежание перехвата радиосвязь была запрещена, поэтому находившиеся недалеко от дамбы оперативники громко обменивались информацией, и жители окрестных домов, приняв это за ссору, сообщили в полицию. Несмотря на сверхсекретность операции, экипаж патрульной машины, будучи не в курсе обстоятельств, прибыл на место с включенной сиреной, и подозрительный автомобиль сорвался и помчался прочь с огромной скоростью. И хотя оперативники обнаружили его и преследовали, буквально за долю секунды до переключения светофора на красный свет он успел проскочить перекресток и исчез во мраке. Позже выяснилось, что этот автомобиль принадлежал молодому человеку, на которого было совершено нападение.

Полиция префектуры оказалась буквально в шаге от того, чтобы поймать преступников. Однако, в условиях сверхсекретной операции, единственной целью которой является задержание на месте преступления, один шаг остался или сотня шагов, уже не имеет значения. Что касается девушки, то ее обнаружили живой и невредимой около одной из станций частной железной дороги примерно в двух километрах от места похищения, и это было единственным счастливым моментом в череде невзгод.

Закончилось все лишь задержанием мужчины, который не имел отношения к преступникам. И в довершение ко всем неудачам 4 июля, в понедельник одна из общенациональных газет на первой полосе утреннего выпуска поместила ошибочную информацию об «аресте преступника по делу “Гинга”». Конечно, это был сенсационный материал, поскольку данное издание было единственным, кто следил за действиями полиции, но он был очень далек от реального положения дел.

После этого болезненного поражения руководство расследованием почти полностью взяло на себя Национальное полицейское агентство, которое сделало установку на то, чтобы «поймать всех разом». С другой стороны, члены следственной

группы полицейского управления префектуры Осака, о чьей неудаче стало известно из газетной публикации, оказавшись за бортом, занимались расследованием уже не с таким энтузиазмом. В отношениях с Национальным полицейским агентством наметился разлад. Под давлением изнутри и снаружи полиция Осаки дрогнула.

Акуцу подумал, что если выделить три кульминационных момента в деле «Гин-Ман», то первым из них, безусловно, был период с похищения главы компании Кикуты до неудавшейся попытки задержания преступников.

Закончив фотографировать, Акуцу просто стоял и смотрел на склад и на унылый безлюдный пейзаж вокруг него. Даже воздух в этом месте был пропитан смутной тревогой, и Акуцу вдруг явственно ощутил: несмотря на то, что прошло столько лет, здесь все еще веет дыханием давних событий.

Преступники никуда не делись.

По мере того, как эта совершенно очевидная мысль все больше овладевала Акуцу, душу его накрывала плотная туча, подобная той, которую он видел в Лондоне...

26 июня «Курама Тэнгу» неожиданно отправили во все газеты «письмо о перемирии» со словами: «Я прощаю “Гинга”». В нем говорилось о месте, где их надо искать. «Мы в Цюрихе, Лондоне или Париже», «Езжайте в Европу ловить “Курама Тэнгу”»...

Компания «Гинга» была прощена. Все думали, что на этом дело будет закрыто. Но преступники уже нашли следующую жертву.

3

Походив еще немного вокруг склада, Акуцу решил поехать к родителям.

На чисто убранном кафельном полу прихожей не было ничего, кроме сандалий и подставки для зонтиков. Запах родного дома подействовал успокаивающе.

– Я дома.

Акуцу поставил сумку на обновленный два года назад пол гостиной. На его глухой голос из кухни откликнулась Кэйко – его мама.

– Я же приготовила тебе тапочки.

«Да, маму прежде всего волнует, что у меня на ногах», – усмехнувшись, подумал Акуцу и опустился на приятный на ощупь плюшевый диван. На стоящем рядом столике лежало несколько журналов «Кукольные дома в японском стиле». Вот уже несколько лет это было страстным увлечением отца.

– Он ведь давно к этому пристрастился? – Акуцу с участием в голосе показал на журналы.

Сощурившись – так, что морщинки в уголках глаз стали более заметными, – мама кивнула. Складки и морщины у носа и губ напомнили Акуцу о ее возрасте.

На кухне, где стоял сильный запах лука, мама быстро резала продукты. Акуцу предложил свою помощь, но в ответ услышал: «Еще не дай бог палец порежешь, так что сиди уж». На обеденном столе стояла газовая горелка, на которой располагался черный железный котел набэ^[49]. Мама, узнав, что придет Акуцу, решила приготовить его любимое блюдо сукияки^[50].

– А, ты уже пришел...

Держа в руках карманный электрический фонарь, вошел отец – Масаси. Худощавый, он вечно сутулился и, как обычно, был одет во

фланелевую рубашку, заправленную в брюки.

– Мать, у нас пальчиковые батарейки есть?

– По-моему, закончились. – Мама отвела взгляд от разделочной доски. – Отец, переложи, пожалуйста, в тарелку вермишель конняку^[51].

Тот, кивнув, пошел на кухню.

Глядя на родителей, молча занимавшихся подготовкой ингредиентов для сукияки, Акуцу подумал, какими спокойными они выглядят. Как только начинаешь работать, кажется, что ход времени ускоряется, а ведь родителям уже по 65...

Отец, работавший в аптеке рядом с многопрофильной больницей в двадцати минутах езды на машине от дома, за исключением дней, когда ему приходилось задерживаться на работе, или вечеринок накануне Нового года, ужинал дома. Он любил бывать один: неподвижно сидел перед доской для игры в го^[52] или внимательно смотрел по телевизору передачи про рыболовство. Акуцу считал, что отец никогда не говорил дома о работе потому, что на рабочем месте сдерживал себя. Он тщательно выполнял свои обязанности, но сверх этого ничем не интересовался. Абсолютно в духе отца было, например, активно участвовать в обучающих семинарах и при этом иметь очень скудные знания об имеющихся на рынке лекарствах. В этом смысле изготовление японских кукольных домиков по определенному шаблону было для него самым подходящим хобби. Когда ему исполнилось 60 лет, он стал работать по контракту, а в прошлом году, достигнув 65, ушел со службы. Раньше мама время от времени работала на полставки, а теперь, занимаясь домашними делами, одновременно рассматривала не предназначенные для жизни дома, созданные мужем.

– Как ты съездил в Англию? – промывая откинутую в дуршлаг лапшу конняку, спросил отец. – Спасибо за чай. Вкусный.

Речь шла о чае, привезенном в подарок. Акуцу вспомнил выражение лица Тории, тыкавшего кончиком ручки в картонную коробку, и тут же ощутил терпкий вкус чая.

– Все неприветливые, будто сговорились. Даже в ресторанах многие выглядят угрюмо.

– Почему же? Ведь, улыбаясь, они привлекут больше посетителей. Резавшая грибы-вешенки, мама удивленно улыбнулась.

– Эйдзи, достань пиво, – попросил отец.

Встав с дивана, Акуцу направился к холодильнику, достал две банки пива, стеклянный чайник с пшеничным чаем для мамы и поставил их на стол. Куски говядины с мраморными прослойками^[53] выглядели потрясающе и были такими яркими, что хотелось их сфотографировать.

– Какое хорошее мясо...

– Не говори. Как увидел, влюбился с первого взгляда, – гордо произнес отец. Ради сына, который не так часто радовал родителей своими визитами, он специально ездил за мясом в Санномию^[54]. Акуцу поблагодарил отца и налил ему пива.

– Ну что, начнем?

По команде отца началось приготовление сукияки. Мама налила в набэ масло и опустила туда большие куски говядины. Посыпанное сахаром и залитое соевым соусом, мясо аппетитно зашипело, и Акуцу буквально заурчал от удовольствия. Мама положила первый кусок в его пиалу, где было разбито сырое яйцо, и он тут же отправил его в рот. Ощущение мягкости и сладости в сочетании с вязкостью сырого яйца было настолько изумительно, что он застонал от восторга.

– О, как же вкусно...

Глядя на довольного сына, родители в один голос повторяли: «Ешь, ешь побольше». И хотя ему уже исполнилось 36 лет, Акуцу было приятно, что с ним обращаются как с ребенком.

Говорили в основном о сезонных блюдах и о детях родственников. Но особенно оживился разговор, когда заговорили о Го, сыне старшей сестры Акуцу. Двухлетний племянник, хоть еще и плохо, но уже начал соединять слова и выражать свои желания.

– Все-таки девочки развиваются быстрее... Го-кун только повторяет: «Сэнбэй^[55], дедушкин сэнбэй», – с улыбкой рассказывала мама о своем внуке.

– Надо бы съездить к сестре, давно не был...

– Съезди, поиграй с Го-куном. Аой тоже иногда надо отдыхать от сына, а то она постоянно в напряжении.

Сестра четыре года назад вышла замуж за служащего из Осаки и ушла из компании, занимающейся организацией международных конференций и научных симпозиумов. Хотя жила она не очень далеко от Акуцу, но из-за занятости они не виделись уже больше полугода.

Родители всегда были далеки от политики, культуры, искусства и интересовались лишь повседневной жизнью. Акуцу помнил, что в подростковом возрасте ему было довольно скучно с сестрой, старше его на три года. Однако когда у нее появился ребенок, а сам он начал работать в отделе культуры, куда всегда мечтал попасть, ему стала понятна ценность спокойной жизни.

Будучи студентом, Акуцу ошибочно считал, что звание журналиста газеты «Дайнити» само по себе уже является брендом. Он верил, что если только ему удастся попасть туда, все будут ему завидовать. Однако на его первом месте службы, в редакции в Химэдзи, он был репортером в полиции и окружном суде, из-за ночных и утренних дежурств постоянно недосыпал, отказы влекли за собой недовольство начальства, а попытки войти в кабинеты следователей, куда вход был запрещен, заканчивались возмущенными криками. Но Акуцу, когда над ним насмеялись адвокаты, в офис которых ему случалось заходить, чтобы забрать жалобы, или когда его гоняли информаторы, бывшие якудза, научился в ответ глупо улыбаться. Сейчас ему казалось, что в том, что он жил, задавив себя, он, наверное, ничем не отличался от своего отца.

Через три года Акуцу, перейдя работать в филиал в Киото, сначала опять носился по различным подведомственным полицейским службам, после этого ненадолго вернулся к спокойной жизни,

занимаясь написанием статей про университеты и про путешествия, и в конечном итоге снова попал в первый и третий отделы расследования главного управления префектурной полиции Киото. Тогда он всерьез задумался о том, чтобы уволиться вчистую. По счастливой случайности, через полгода произошла ротация, и Акуцу в течение трех лет проработал в отделе городских новостей осакского филиала. Девушка, с которой он начал встречаться, когда работал в Киото, ушла из-за его занятости и отсутствия перспектив семейной жизни. В общем, будущее выглядело довольно мрачно.

Когда пять лет назад Акуцу попал в отдел городских новостей, ему был всего 31 год, но он уже чувствовал себя утомленным. Однако с тех пор самым большим несчастьем, которое ему пришлось испытать, были два неудачных романа. Акуцу считал, что даже если ему придется продолжать прозябать в отделе культуры, по крайней мере, это возможность беззаботно проводить время в провинциальной редакции. Иногда в барах ему задавали вопросы: «Почему ты стал журналистом?», «Что ты хочешь сказать миру?», но он научился умело уходить от ответа. И хотя родительский дом не был моделью его идеального дома, он, как примерный сын Акуцу Масаси, сейчас получал удовольствие от тающего во рту мяса.

Ему отнюдь не претила идея жить так же, как отец. Район Китаку в Кобэ... Хотя он находился в черте города, но готовый дом площадью 50 цубо стоял неподалеку от горы Рокко^[56], в очень живописном месте. Конечно, время накладывало на него свой отпечаток, однако если один раз в несколько лет проводить частичный ремонт, то жаловаться будет не на что.

– Эй-тян, ты же завтра едешь в командировку в Токио? Когда тебя уже освободят от этого дела? – Кэйко, как и все матери, больше всего беспокоилась о здоровье сына.

Акуцу, глотнув пива, покачал головой.

– Проект должен завершиться в конце года, поэтому нужно будет поднапрячься, и тогда освобожусь. Мне действительно не повезло...

– Кстати, мы же переехали в этот дом как раз в год, когда произошло все это с «Гинга-Мандо».

Отец произнес эти слова без всякого умысла. Мама, словно что-то припомнив, кивнула в знак согласия с мужем.

– Рядом с общественным центром тогда была дешевая кондитерская. Сейчас-то ее уже нет... Ты часто покупал там сладости «Мандо». Помню, как я испугалась, когда все это случилось...

– Я вот совсем не помню. А что-то еще у вас в памяти осталось?

Родители задумались.

– Знакомый друга подрабатывал на заводе «Мандо»; так его уволили за то, что отравленные сладости раскладывал, – с сочувствием в голосе сказала мама.

– Да, это была неплохая задумка – писать письма на кансайском диалекте, – с удовольствием добавил отец.

Акуцу упомянул, что угрозы получали шесть компаний. Родители, словно пытаясь вспомнить, чуть слышно говорили: «Да, наверное».

Хотя все это произошло в Кансае, вероятно, для обычных людей те события уже покрылись пылью времени. С другой стороны, Акуцу представил немного свидетеля тех событий – стоящий на берегу реки Кагава склад с инвентарем для борьбы с наводнениями – и в который раз подумал, что дело «Гин-Ман» – совершенно реальное преступление. Что же в нем так зацепило его? Акуцу не находил объяснения тому состоянию возбуждения, в котором находился.

Он одним махом выпил полстакана пива, и в нем снова проснулся журналист. «Ну что ж, завтра в Токио... Удастся ли что-нибудь раздобыть?»

4

Двери лифта открылись, и перед его глазами возник ресторан.

Вход в здание в японском стиле представлял собой черепичный навес; с обеих сторон от него свисали белые фонари, на которых было написано название заведения. За распахнутой дверю виднелись закрывающиеся на ключ ящики для обуви и кассовый аппарат. Обычная народная идзакая^[57].

Возможно, из-за того, что было весьма непросто договориться об интервью, а также из-за волнения по поводу того, что придется соприкоснуться с незнакомым миром биржевых спекулянтов, Акуцу находился в подавленном состоянии. У подошедшей к нему с улыбкой молодой девушки он уточнил:

– Есть заказ на имя господина Татибана?

Девушка раскрыла папку, которую держала в руках, и перелистнула одну страницу.

– Да. Вас ждут.

– Как? Уже пришли?

– Да. Я провожу вас.

До назначенного времени оставалось еще десять минут, но, похоже, человек, пришедший на встречу, был сверхпунктуален.

Акуцу не смог найти автора статьи, имевшейся у Мидзусимы, поэтому решил, что вполне может подойти человек, который хорошо разобрался бы в этой теме и был бы в курсе перипетий биржевой битвы накануне образования «пузыря», но подходящей фигуры все не попадалось. В конце концов коллега из экономического отдела главной редакции в Токио, используя свои каналы в еженедельном журнале, нашел некоего Татибану, с которым и предстояла сейчас встреча.

– К вам пришли.

Несмотря на то что это была комната в японском стиле с хориготацу^[58], она не являлась приватной, и перегородками там служили обычные ширмы. К счастью, рядом никого не было, а чуть подальше шумела группа студентов. Вполне подходящая обстановка, особенно если разговор выйдет сомнительным для посторонних ушей.

– А, ну здравствуйте...

Рядом с ширмой сидел мужчина настолько большой, что его можно было назвать гигантом. Но, несмотря на такое свое телосложение, он ловко поднялся.

– Извините, что вызвал вас сегодня...

После обмена визитками они некоторое время не могли определиться, кто займет почетное место, но в конце концов Акуцу уступил настойчивости своего визави, указывавшего на собственные габариты, и опустился на дзабутон около стены.

– Вы сейчас работаете в торговой компании? – держа в одной руке визитку Татибаны Юкио, спросил он.

Татибана махнул толстой рукой. Под названием компании, по которому невозможно было определить, крупная ли она или мелкая, была указана должность «консультант».

– Это маленькая фирма, ею управляет мой друг. Должность номинальная. Ведь я уже отошел от дел.

– Но по возрасту вам еще рано...

– Да нет, мне уже пятьдесят семь.

Считается, что полные люди выглядят старше, но округлость Татибаны, наоборот, скрывала его возраст. Несмотря на то что в его коротких волосах проглядывала седина, лицо было гладким.

– Татибана-сан, вы работали в брокерской фирме, не так ли?

– Да. Уволился, когда мне исполнилось пятьдесят. Здоровье стало подводить. В Кабутотё все очень жестко, поэтому, наверное, можно сказать, что я немного утомился. Тем не менее и до и после «пузыря» я был в гуще событий и, думаю, в целом смогу ответить на ваши вопросы.

– Прошу прощения, но в том, что касается акций, я полный профан, поэтому мне придется спрашивать об абсолютно базовых вещах...

– Да, конечно. Насколько я понял, речь пойдет о деле «Гин-Ман»?

– Да. В рамках одного из проектов мы занимаемся нераскрытыми делами; так вот, в осакской редакции я отвечаю за дело «Гин-Ман».

– Если говорить о «Гин-Ман», то, наверное, тогда вспомним и о «Мэджик тач»?

Так называлась трейдерская организация, появившаяся в 80-х годах, которая скупала акции «Мандо» и «Хатоя», потом продала их и получила огромную прибыль. Ее также называли «Курама Тэнгу акций», и она всплывала во время расследования, но полиция пришла к выводу, что обвинить ее не в чем. Однако через два месяца после того, как в 1985 году преступники объявили о том, что прекращают преследование пиццевиков, в офисе «Мэджик тач» был обнаружен труп одного из ее представителей, и Кабутотё забурлило. Причиной смерти установили сердечную недостаточность, поэтому нашлись заинтересованные лица, отстаивавшие случайность происшедшего.

– Когда я читал книгу о том деле, это вызвало у меня подозрение; но на самом деле это ведь правда?

– Нет, что вы. Такого известного биржевого спекулянта точно задержали бы.

Акуцу был немного обескуражен. После мнения, высказанного профессионалом, содержание книги стало казаться ему сомнительным.

Спохватившись, он вытащил блокнот и диктофон, спросил о возможности вести запись и легко получил разрешение. Им принесли заказанное пиво, и, прежде чем начать разговор, они выпили.

– И все-таки я не могу представить себе этих биржевых спекулянтов. Что они за люди?

– Ну, если нарисовать общую картину, то во главе стоит так называемый босс, который всем управляет, и четыре-пять подчиненных. Но вообще у всех по-разному. Главное, что они придерживаются иерархической структуры «оябун-кобун»^[59], где главная шишка – «денежный король».

– Это тот, кто выдает деньги на покупку акций?

– Да, именно. Следующим после «денежного короля» идут профессиональные инвесторы, и в конце – частные инвесторы, которые остаются в проигрыше. Их также называют членами организации.

– Другими словами, все устроено таким образом, что члены организации, вступающие позже, несут убытки?

– Да. Это типичная пирамида. Биржевые спекулянты скупают акции, поэтому их цена растет. Затем распространяют информацию о том, что она будет расти еще больше. Тогда мелкие держатели бросаются покупать. Но тут спекулянты начинают продавать акции, и их цена резко снижается. В итоге рядовые члены организации остаются в проигрыше и сидят со своими акциями, которые не могут продать.

– Вот оно что... Теперь-то я хорошо понимаю, что дилетантам в это дело лучше не соваться.

– Ну, если вы отдадите мне на хранение миллион, я верну вам его в тройном размере.

– Неужели три миллиона?

– Но ведь я собираю деньги.

Шутка Татибаны наконец-то разрядила обстановку. Тут как раз принесли заказанные ими блюда и по второй кружке пива.

– Биржевых спекулянтов можно назвать взаимовыгодным сообществом. По словам одного моего знакомого, самое важное для них – это прибыль, но удовольствие от возможности свободно распоряжаться акциями становится их всепоглощающей страстью.

– В этих организациях есть и молодые люди?

– Конечно. При наличии способностей... Но болтунам там не место.

– Как лучше называть таких биржевых спекулянтов? Трейдерами?

– Если уж нужно обязательно присваивать им наименование, то, наверное, инвесторы. Обычно они выпивают с разными знающими людьми и вытягивают из них информацию, выбирая таким образом акции и находя источники финансирования. Те, кому удалось найти деньги, становятся известными и уважаемыми.

– И сейчас тоже они есть?

– Да, есть. Однако в отличие от Сёва, когда это случилось с «Гин-Ман», сейчас покупателями выступают компании. Используя подставные конторы, они обогащаются за счет фондовых рынков. Это приводит к биржевым войнам. В конечном итоге мелкие держатели точно так же остаются в проигрыше. Например, в сфере новых источников энергии скрывается довольно много подозрительных компаний.

– Вы хотите сказать, что в эпоху «Гин-Ман» все было проще?

– Конечно, сейчас другие времена. Раньше ведь не было никакого контроля. Дилеры всех брокерских фирм были друзьями, вечерами собирались на Гиндзе, Акасаке^[60] и решали: «Ну что, какие акции будем брать завтра?». Они спокойно устанавливали котировки, а оперативные сводки получали биржевые спекулянты. Это касалось не только ценных бумаг. Банки тоже не стеснялись. Я слышал, что были банковские служащие, которые вместе с якудза^[61] участвовали в переговорах с собственниками с целью приобретения земельных участков под строительство.

Акуцу вспомнил, как всего несколько лет назад крупный банк оказался замешан в финансовой сделке с мафиозной организацией. Он был поражен, насколько сам отличается от этих людей. Но в газетном мире тоже можно, наверное, вспомнить один-два случая, которые со стороны выглядели весьма непристойно...

К тому моменту, когда перешли с пива на бататовую сётю^[62] и скотч, они заговорили о неизвестных фактах вокруг происходивших

в прошлом экономических уголовных дел. Вскоре переключились на обсуждение более заурядных тем, таких как сексуальные пристрастия политиков и скандалы с «цуцумотасэ»^[63] среди профессиональных спортсменов.

Было много того, что Акуцу услышал впервые, и он опять остро ощутил, что информация, которая доходит до людей, – лишь вершина айсберга. Но удовольствие от разговора омрачалось тем, что все это вряд ли можно использовать для его журналистского задания.

Акуцу достал из сумки статью из «Биржевого журнала», вышедшую за два месяца до похищения главы компании «Гинга» и сообщавшую о том, что акции компании выросли. Заголовок гласил: «Продолжается покупка акций биржевыми спекулянтами из Европы».

Татибана надел очки, быстро прочитал статью и, слегка улыбнувшись, тихо произнес:

– В самом деле...

– Мне не вполне понятен смысл того, что здесь написано. Но, как мне показалось, основная идея в том, что «сейчас выгодно покупать акции “Гинга”».

– Именно так. Подобные статьи – не редкость.

– Больше всего мне не дает покоя заголовок «Продолжается покупка акций биржевыми спекулянтами из Европы» и слова в тексте статьи «Все больше и больше иностранцев, прежде всего в Лондоне, покупают акции». В посланиях, которые отправлял преступник, он упоминал, что едет в Европу; может быть, тут есть какая-то связь?

В этот момент Акуцу вспомнил и про записи, касавшиеся Хайнекена. Но тут Татибана громко засмеялся.

– Акуцу-сан, это на сто процентов покупка акций иностранцами-куромэ.

– Куромэ?

– Куромэ^[64] – это японцы, то есть мы говорим о покупке акций японцами.

– Вы поняли это, прочитав лишь эту короткую статью?

– Если представлять себе, что происходило в то время, это становится очевидным. Вы должны понимать, что во времена Сёва можно было открывать сколько угодно фиктивных счетов.

Татибана замолчал и сделал небольшой глоток сёту, словно просто хотел смочить губы.

– Сейчас я приведу несколько примеров; возможно, об одном из таких и идет речь. Часто через филиал японской брокерской компании, расположенный в Гонконге, проводили торговые операции в филиале этой компании в Швейцарии.

– То есть получается, что таким образом они могли замести следы?

– Поскольку все делалось с помощью фиктивных счетов, естественно, это тоже было возможно. Однако ни в Гонконге, ни в Швейцарии нет налога на прирост капитала.

– Вы имеете в виду налоговый рай?

– Нет, налоговую гавань. Не рай, а убежище^[65].

При мысли о том, что его реальный уровень владения английским даже ниже, чем сданный им неполный первый уровень, Акуцу ничего не оставалось, как горько усмехнуться.

– В Гонконге тоже были случаи прямых торговых операций. В то время Гонконг являлся территорией Великобритании, поэтому «биржевые спекулянты из Европы» могли быть оттуда. Кроме того, также имелся вариант обратиться в японский филиал с прямыми иностранными инвестициями и через Гонконг провести операцию в Швейцарии.

– В самом деле... А что же означает «покупка акций иностранцами в Лондоне»?

– Думаю, что были случаи, когда деньги перенаправляли из Гонконга в Лондон. Но, насколько я помню, в Швейцарии это

продельвалось чаще, к тому же в статье ничего конкретного не утверждается.

– Вот как... И все-таки это точно был японец, не так ли?

– Видимо, куроэмэ.

Акуцу остро ощутил, что буквально обо всем необходимо спрашивать профессионалов. История с Хайнекеном еще немного потеряла свою значимость. Совсем необязательно жить в китайском квартале Лондона. Нить, которая, как ему казалось, связывала события, легко оборвалась. «Да, интуиции репортера из отдела культуры на это хватило», – усмехнулся он про себя.

– Есть ли вероятность того, что преступники в деле «Гин-Ман» имели отношение к повышению акций «Гинга»?

– Если только они были образованными людьми. В то время к Японии относились еще как к краю Востока, поэтому иностранцы сначала не проявляли никакого интереса к японским акциям, к тому же Министерство финансов тоже неохотно вело дела с иностранными государствами, и невозможно было даже подумать о том, чтобы заговорить по поводу иностранного капитала. Получается, что никто за ними не следил, и они могли свободно проводить торговые операции.

На лбу у Татибаны выступили капли пота, он ослабил галстук и заказал еще сётю.

Акуцу показал на график цен на акции «Гинга» и «Мандо» и отметил, что незадолго до преступления акции обеих компаний выросли.

– Этот рост был вызван тем, что преступники начали биржевую битву?

– Однозначно сказать не могу. Действительно не знаю. Но думаю, что, если уж здесь были замешаны биржевые спекулянты, то они проводили операции по продаже и покупке в два этапа.

– В два этапа?

– Сначала акции растут, так? На стадии, когда они достигают до восьмидесяти процентов, их начинают продавать в первый раз и

таким образом сколачивают капитал. Ни в коем случае нельзя, чтобы «денежный король» понес убытки. Однако тут слетаются члены организации, то есть мелкие держатели, и тогда цена опять немного повышается. Когда она достигает пика, начинаются продажи без покрытия.

– Простите мне мое невежество, но не могли бы вы объяснить, что означает «продажа без покрытия»?

– Благодаря тому, что накапливается определенная сумма залога, можно продавать акции, которые еще не были приобретены. Поскольку торговец продает ценные бумаги, которыми на самом деле не владеет, это называется продажа без покрытия, или пустая продажа. А так как она осуществляется в момент, когда цена высока, если впоследствии последняя упадет, можно будет выкупить акции дешевле. Одним словом, это механизм, позволяющий получить прибыль на разнице между продажей и покупкой.

– Короче говоря, если знать, что произойдет снижение цены, можно приступать к продаже без покрытия, правильно?

– Да, именно так. Ведь когда преступники стали отправлять свои послания, акции, естественно, упали.

– Если предположить, что преступник продавал без покрытия акции и «Гинга», и «Мандо», какую примерно прибыль он мог бы получить?

– Это зависит от количества выпущенных акций, имеющих в наличии средств, от суммы залога, о которой я говорил, от суммы комиссии брокерской фирме... При хорошем раскладе, наверное, несколько сотен миллионов мог получить.

В ответе Татибаны не было заметно никакого раздражения невежеством журналиста, сидящего перед ним. С одной стороны, Акуцу удалось понять, что представляли собой биржевые войны того времени, но с другой, он догадывался, что эта информация никак не связана с преступниками. Если «Курама Тэнгу» и были теми, кто стоял за биржевыми спекуляциями, то вряд ли они также организовывали похищение и нападение на молодую пару.

У Акуцу сложилось впечатление, что эти преступники были весьма хитроумны. И скрывалось в их изобретательности нечто, привлекавшее людей.

– Есть ли еще какая-нибудь трейдерская организация, кроме «Мэджик тач», наделавшая много шума в Кабутотё?

– Даже не знаю...

Татибана опустил толстый указательный палец в бокал и провел по поверхности льда. Этот человек близко видел рай и ад Кабутотё, но вряд ли в его памяти могли моментально всплыть события, произошедшие тридцать один год назад. Однако, по какой-то непонятной причине, на пышущем здоровьем лице этого человека играла довольная улыбка.

– Если я не ошибаюсь, в то время существовала только одна сомнительная организация. Как же она называлась?.. Ходили слухи, что «денежным королем» выступала или подставная компания в Осаке, или зал патинко^[66]... Ой, нет. Говорили вроде, что «денежных королей» было несколько.

– Несколько?

– Это точно было в Кансае. Несколько биржевых спекулянтов вошли в соглашение и скупали акции «Мандо». Но слухи в Кабутотё нельзя считать достоверной информацией, да и само их распространение зачастую было секретным маневром...

Захватив палочками кусочек тушеной говядины, Татибана уставился в потолок и произнес:

– Вроде бы я вспомнил. Был один странный молодой человек; однажды я оказался вместе с ним в баре. Он был весьма сведущ в подпольной экономике Кансае. Очень даже симпатичный... У него невероятно быстро работала голова, и это было жутковато. Когда во время разговора ему позвонили и он вышел, я спросил сэмпая^[67]: «Кто это?» – и он ответил: «Точно не знаю, но, похоже, биржевой спекулянт».

– Не из брокерской компании?

– Нет, нет. Совершенно незнакомое лицо. Если я верно помню, он окончил университет Хитоцубаси^[68]. Был вроде в одной связке с теми странными биржевыми игроками.

– Вы сказали, что он был хорошо осведомлен о подпольной экономической деятельности в Кансае. Он оттуда?

– Нет, говорил он не на кансайском диалекте. Как ни странно, хорошо помню черты его лица, хоть фоторобот составляй... Да, в его рассказе периодически проскальзывала ложь. Возможно, поэтому и возникало неприятное ощущение. Этот молодой человек был значительно подозрительнее, чем «Мэджик тач». Как я уже говорил вначале, тех, кто получает известность в мире биржевых спекулянтов, больше всего раздражает, что результат не стоит затраченных усилий. Да, ведь с оборотом в несколько сотен миллионов иен нет необходимости похищать главу компании...

Несмотря на то что информации, которую получил Акуцу, было недостаточно для написания материала, он практически увидел образ преступника. Молодой человек, окончивший Хитоцубаси, хорошо знакомый с подпольным миром Кансае... Вряд ли подобные люди встречаются на каждом шагу. Может быть, он и есть «покупающий акции иностранец-куромэ»? У Акуцу было ощущение, что мгла еще более сгустилась, и он спрашивал себя, удалось ли ему хоть как-то продвинуться в расследовании.

Интересно, жив ли еще этот человек... Акуцу сделал глоток скотча, словно в один момент растерявшего всю свою крепость.

5

Сонэ Тосия и Хорита Синдзи находились в южной части префектуры Осака, в городе Сакаи.

Они вышли из поезда железнодорожной линии Нанкай и прошли чуть меньше километра в юго-западном направлении. По мере того как, сверяясь с картой, мужчины приближались к пункту назначения, вокруг становилось все оживленнее. По обе стороны располагались кафе-якитория^[69], разнообразные закусовые, развлекательные заведения, рестораны суси. Поскольку был будний день, навстречу им ехали на велосипедах мужчины среднего возраста в приподнятом настроении. Стояла первая неделя сентября, и солнце светило по-летнему, так что Тосия щурился от яркого солнечного света.

Свернув за лав-отелем^[70], вывеска на котором гласила: «Ночь – 3980 иен», они прошли еще немного вперед, и Тосия обратился к Хорите:

– Уже скоро, не так ли?

Небольшая закусовая «Сино» располагалась перед паркингом, где стояли «Мерседесы» и «Лендкрузеры». Штукатурка на стене под черепичной крышей потрескалась. Хотя было уже начало четвертого, норен^[71] еще не вывесили. Потемневшая деревянная раздвижная дверь явно повидала многое на своем веку, а мысль о том, что за ней могли собираться преступники, заставила Тосию распрямить плечи.

– Офис, наверное, там, за углом.

Вытирая пот со лба, Тосия посмотрел на клинику иглоукалывания, расположенную по соседству с паркингом, на которую показывал Хорита, и кивнул. Узнав, что у «Сино» есть офис, они посоветовались и решили до открытия закусовой увидеться с хозяйкой. Хорита

пришел к выводу, что, чем заранее звонить и будить ее беспокойство, будет разумнее просто прийти и встретиться с ней.

Прошло больше недели со дня встречи с Фудзисаки. Сегодня у обоих был выходной, и они решили прийти в заведение, служившее местом встреч преступников. Тосия был абсолютным дилетантом во всем, что касалось членов борёкудан^[72] и концессионеров, о которых говорил Фудзисаки, поэтому не мог составить о них никакого представления. Но хотя было неизвестно, что расскажет хозяйка, существовала вероятность того, что она помнила дядю.

Офис располагался на втором этаже пятиэтажного здания. Первый этаж занимал ресторан тэппаньяки^[73], и чтобы подняться на верхние этажи, нужно было воспользоваться проржавевшей железной лестницей справа. Тосия последовал за Хоритой. На тесной лестничной площадке второго этажа, друг напротив друга, были размещены офисы. На стене сбоку от двери Тосия заметил табличку с надписью «Сино». Вытащив носовой платок, он вытер с подбородка капельки пота.

– Похоже, здесь.

Поймав взгляд Тосии, Хорита кивнул и легонько постучал в железную дверь, местами потерявшую цвет. Спустя некоторое время настороженный голос произнес: «Да...»

– Извините.

Тосия вслед за Хоритой вошел в офис. В лицо им ударил холодный воздух из кондиционера, слегка пахнувший затхлостью. Как и предполагал Тосия, когда смотрел на здание с улицы, помещение было довольно тесным.

В глубине за стойкой стояли рабочий стол, телевизор и телефон с факсом; на низком книжном шкафу было сложено несколько картонных коробок. Напротив виднелась дверь, за которой, возможно, находилась приемная.

– Простите, с кем имею честь?

Хозяйка закуской в их представлении должна носить кимоно, но на сидевшей за столом женщине было надето серое платье. Если

судить по ее заведению, ей было немало лет, но она оказалась стройна, тщательно покрашена, а ее длинные волосы аккуратно собраны. И хотя на руках и на шее заметно проступали вены, черты ее лица выглядели молодыми.

– Просим прощения, что внезапно нагрянули к вам... – Хорита проворно достал из бокового кармана сумки визитницу, и Тосия последовал его примеру. – Вы хозяйка этого кафе?

Женщина, растерянно кивнув, вышла из-за стола, заваленного накладными, и, приняв через стойку визитки, быстро пробежалась по ним глазами.

– Вы приехали из Киото?

– Да. По старому делу... По делу «Гинга-Мандо», которое примерно тридцать лет назад наделало много шума.

Лишь только услышав про «Гин-Ман», хозяйка нахмурилась.

– Мы имеем сведения, что в вашем заведении бывали люди, имеющие отношение к этому делу.

– Что за глупости? И для этого вы приехали издалека?

Показывая своим видом, что разговаривать не о чем, женщина склонила голову. Тосия решил идти вперед.

– Я не могу назвать вам его имя, но один человек рассказал, что здесь собирались люди, причастные к делу «Гин-Ман». Поэтому...

– Откуда вы знаете, что они были к нему причастны?

Это был совершенно естественный вопрос, но слепо поверившему словам Фудзисаки Тосии такие само собой разумеющиеся вещи даже в голову не приходили.

– Это мы тоже хотели бы узнать у вас.

Реплика Хориты ни к чему не привела: хозяйка опять настороженно склонила голову. Тосии показалось, что она всерьез обеспокоена, но, несмотря на стеснение, набрался смелости и решил открыть всю правду.

– Позвольте мне рассказать еще кое-что. Мы пришли отнюдь не для того, чтобы посмеяться над вами. В деле «Гин-Ман» преступник использовал кассету, на которой был записан голос ребенка...

Тосия понимал, что давить на хозяйку неразумно, но тем не менее описал в общих чертах само дело, не утаив вероятность причастности к нему своей семьи, рассказал, как нашел дома кассету, которая, возможно, была использована в ходе совершения преступления, и то, что на ней записан его детский голос, а также то, что содержание черной кожаной тетради касается пострадавших предприятий.

– Меня не интересует, кто преступник. Думаю, что, если сейчас заняться его поисками, вряд ли с этим справятся непрофессионалы вроде нас. Но, по крайней мере, я хочу убедиться, что мои родители не имеют отношения к этому делу.

Не слишком ли много он рассказал?.. В процессе рассказа Тосия ощущал страх, поскольку его тайны перестали быть тайнами, но он больше не мог находиться в неизвестности. Даже в глубине души он не хотел оставлять и каплю сомнения в честности своего отца.

Лицо хозяйки не выражало никаких эмоций, но раздражения, которое было до этого, уже не чувствовалось.

– Я все поняла. Но со своей стороны мне сказать нечего, поэтому могу ли я попросить вас оставить меня?

На этот раз она уже не отрицала, что преступники могли устраивать встречи в ее кафе, из чего Тосия сделал вывод: это весьма вероятно.

Хозяйка молча вернулась к столу, что означало окончание разговора. Однако Тосии по-прежнему хотелось отыскать связь между «Сино» и преступниками.

Они вышли из офиса и молча спустились по ржавой лестнице.

– Даже визитку не дала... – Хорита, словно признавая поражение, со шлепком приложился ладонью к своей шее. И хотя они не рассчитывали на многое, было странно видеть такую эмоциональную реакцию с его стороны.

– Не заглянуть ли нам и в кафе тоже? – Пока можно было еще хоть за что-то ухватиться, Тосия не собирался сдаваться.

Хорита с улыбкой кивнул. Похоже, что он собирался предложить то же самое.

Снова встав перед закуской, Тосия постучал в выдавшую виды раздвижную дверь. Раздался звук дребезжащего тонкого стекла, но ответа не последовало. Со словами «прошу прощения» Тосия открыл дверь. Видимо, она была хорошо смазана, поскольку, несмотря на свою древность и ветхость, легко заскользила.

Справа от входа находился стол на четверых, вдоль стойки были расставлены примерно десять стульев со спинкой. В глубине виднелась лестница – по всей видимости, на втором этаже располагался зал дзасики^[74]... Наверное, там и проходили собрания «причастных лиц». На стойку еще не поставили тарелки; было темно. Вокруг разносился приятный аромат кацуо даси^[75].

– Прошу прощения, – еще раз произнес Тосия.

Низкий голос из-за стойки откликнулся: «Да-а». Приближающийся звук гэта^[76] становился все громче; наконец в зал выглянул крупный мужчина в белой поварской униформе. На его голове была повязана темно-синяя бандана, лицо покрывала щетина с закрадывающейся сединой.

– Чем могу помочь?

На вопрос Тосии: «Вы повар?» – мужчина открыто улыбнулся и положил обе руки на стойку. Казалось, что в отличие от хозяйки говорить с ним будет проще, но напряжение все равно не отпускало Тосию. Решив, что упоминать о посещении офиса не стоит, он начал с главного:

– Извините за неожиданный вопрос, но от одного человека я слышал, что здесь собирались причастные к делу «Гин-Ман»... Мы пришли с целью получить хоть какую-то информацию об этом.

– Это так давно было... Ох, вы меня напугали.

Было похоже, что повар действительно растерялся. Тосия взволнованно взглянул на стоящего рядом Хориту; тот одобрительно кивнул, что помогло вернуть присутствие духа. Он подробно объяснил, как нашел в доме тетрадь с текстом на английском языке,

имеющим отношение к делу «Гин-Ман», и кассету с записью собственного голоса, а также рассказал про содержание тетради и про своего дядю – на этот раз более детально, поскольку хотел подчеркнуть всю серьезность своей истории.

– Да... Это ужасно. Однако не означает ли то, что обнаружилась кассета...

Тосия, увидев, как губы повара перестали шевелиться, сообразил, что еще не назвал себя. Когда вместе с Хоритой они протянули свои визитные карточки, мужчина, так же, как и хозяйка заведения, тихо произнес: «Специально приехали из Киото...».

– Нам действительно нужна любая информация.

Глядя на сделавшего полшага вперед Тосию, повар в замешательстве потер голову под банданой.

– Меня не интересует это дело в целом, для меня это чисто семейная проблема, – пояснил Тосия.

Повар, словно убеждая себя, что тот говорит искренне, несколько раз кивнул, затем нахмурился и прикрыл глаза.

– Я молчал, потому что не очень-то весело рассказывать о таких вещах. К тому же у меня свои обстоятельства... Но ведь прошло уже тридцать лет...

Тосия чувствовал замешательство повара и всей душой надеялся, что еще немного – и он заговорит.

– Прошу вас, расскажите, пожалуйста...

Тосия и Хорита склонили головы. Возможно, повар никак не мог решиться из-за своей хозяйки... При мысли о том, что она как раз сейчас может нагрянуть сюда, становилось не по себе.

Подняв голову, Тосия посмотрел повару в глаза. И тот, скрестив руки на груди, неохотно заговорил:

– Сонэ-сан, все было именно так, как вы сейчас описали.

Тосия определенно был склонен доверять свидетельствам Фудзисаки, но подтверждение повара делало их еще более надежными.

– Они действительно собирались здесь?

Взгляд повара говорил о том, что он подтверждает это.

– Когда примерно это было?

– Где-то... осенью того года, когда разразилось «дело Гинга».

– В восемьдесят четвертом году... иными словами, в пятьдесят девятом году Сёва^[77], правильно? Извините, вы с того времени здесь работаете?

– Да. Правда, я тогда еще не был поваром, – усмехнувшись, произнес тот.

– Прошу прощения, я хотел бы, чтобы вы посмотрели сюда... – Хорита, тихо стоявший рядом, быстро вытащил из сумки фотографию и положил ее на стойку.

На черно-белом фото был изображен явно волевой и строгий мужчина. Дядя, видимо, не любил фотографироваться, и этот портрет времен старшей школы был самым ранним среди всех фотографий, которые имелись у Фудзисаки.

– Этот человек на здешних собраниях не присутствовал?

– Слишком молодой он здесь... Вообще-то я хорошо запоминаю лица, но этого человека не помню. А вот те люди врезались мне в память. Шумели здесь на втором этаже...

Повар, наверное, уже страдающий дальнозоркостью, отодвинул от себя фотографию и теперь старательно рассматривал ее. Тосия хотел спросить, как тот понял, что собиравшиеся там люди – члены преступной группировки; также он собирался задать вопросы о членах якудзы и концессионерах. Но Хорита опередил его.

– А не было ли среди них мужчины крупного телосложения? Похожего на борца дзюдо в тяжелом весе?

– Да, был...

– Волосы, вьющиеся от природы, уши «цветной капусты»^[78]...

– Да-да. Точно, был крупный мужчина с ушами «цветной капусты». Помню, как он целых два раза опрокинул стакан с сётю, и я ходил за ним вытирать.

Если б не что-то особенное, вряд ли повар помнил бы посетителей, бывавших здесь больше тридцати лет назад. Тосия чуть

ли не физически ощущал присутствие преступников, собиравшихся здесь на втором этаже.

– Здравствуйте, – раздался откуда-то из-за стойки голос молодого мужчины. – Извините, мы как раз принимаем товар...

Наверное, поставщик привез продукты. Повар все-таки в конце концов разоткровенничался, и Тосия был очень раздосадован тем, что их разговору помешали. Они с Хоритой поблагодарили повара, и тот, слегка поклонившись в ответ, удалился.

Прислушиваясь к удалявшемуся стуку гэта, Тосия смотрел на фотографию. Прямые волосы, с ушами все в порядке... Может быть, он довольно высок по сравнению с остальными членами семьи Сонэ, но трудно себе представить, чтобы юноша, изображенный на фотографии, превратился в дзюдоиста-тяжеловеса.

– Ну что, наверное, вот-вот придет хозяйка...

Хорита повернулся и толкнул дверь. В его памяти сейчас, несомненно, всплывает не дядино лицо, а чье-то еще, того, кто не знаком Тосии... И этот человек должен иметь отношение к делу «Гин-Ман».

Когда они вышли из «Сино», Тосия обернулся и бросил взгляд на окно с сёдзи на втором этаже. О чем же говорили преступники в той комнате?

Он поднял взгляд выше и заметил ворону, сидящую на черепичной крыше. Та взглянула на Тосию и, словно обвиняя его в том, что он помешал ей, хрипло каркнула.

6

Закончив обсуждение плана, Тосия положил трубку.

Записав в записную книжку время посещения мастерской в Киото, он вспомнил о портном, с которым они когда-то сотрудничали. Наверное, прошло уже почти три года с тех пор, как он видел его последний раз.

Поскольку Тосия стал вести дела по-новому, портные, с которыми он работал, тоже поменялись. Когда был жив отец, они делали бумажные выкройки, затем сметывали и после этого сшивали. Конечно, вдвоем с отцом им было не под силу управиться со всеми заказами, поэтому часть их они отдавали трем портным, которым упрямый отец худо-бедно доверял. Их отличало то, что каждый из них мог полностью сшить весь костюм. Конечно, портной – тоже человек, и настроение у него может меняться, но на опытных профессионалов это почти не влияет, и они обязательно выполняют свою работу на уровне выше среднего.

В настоящий момент «Костюмы на заказ Сонэ» сотрудничали с мастерской, в которой работали около двадцати портных. У них существовало разделение труда, но поскольку было их немного и трудились они в одном месте, никогда не было такого, чтобы готовый костюм получался «несбалансированным». Бумажные выкройки тоже подгонялись в этой мастерской. Все портные были мастерами своего дела, и Тосия оставался доволен их работой.

Но теперь он перестал испытывать радость от того момента, когда перед его глазами обретал форму новый костюм. Хотя между тоской по былым временам и раскаянием практически нет разницы, но сейчас уже невозможно вернуться назад. Из тех троих, чьими услугами пользовались они с отцом, один ушел на пенсию, еще одного не стало в прошлом году. Человек, которого вспомнил Тосия, был портной, с которым они перестали поддерживать переписку. Получив сообщение от Тосии, что они переходят к так называемому

«быстрому пошиву», он ответил лишь: «Вот как», и с тех пор от него перестали приходиться даже новогодние открытки^[79].

Тосия и сейчас считал: чтобы выжить в этом бизнесе, другого выхода не существует. Однако если бы он сказал, что разрыв отношений с людьми, с которыми он общался на протяжении нескольких десятков лет, не оставил никаких ран на сердце, то покривил бы душой. Пытаясь внушить себе, что с тем человеком его уже ничего не связывает, Тосия все-таки продолжал испытывать чувство вины, которое не стиралось, словно нарисованное перманентным маркером. И если по какой-то причине он вспоминал об этом, его душу постоянно терзало желание оправдать себя.

Тосия убрал руку от телефонной трубки. Сегодня воскресенье, и клиентов еще должно прибавиться, но в первой половине дня посетителей явилось всего ничего – двое мужчин и женщина с женщиной. Да и те лишь присматривались. Уже перевалило за середину сентября, и солнечные лучи теперь не жгли, а лишь мягко пригревали. С помощью пульта Тосия прибавил температуру кондиционера на один градус. Закрыв записную книжку, посмотрел на наручные часы: время приближалось к двум часам дня, к назначенной встрече. Хорита должен прийти снять мерки. Они договорились, что Тосия сошьет ему костюм для командировок в Европу в зимнее время. О фасоне он расспросил Хориту, когда они сидели в идакае после недавней поездки в Осаку. Обычно при первом пошиве Тосия примерно в течение сорока минут внимательно расспрашивал клиента о том, куда тот собирается надевать костюм, какие у него предпочтения, вкусы, работа. Но Хорита долгое время был клиентом отца, и на него имелось солидное «досье», поэтому им хватило короткого обсуждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

INSPIRIA

ТАКЭСИ СИОТА

ГОЛОС ГРЕХА

推理

СЮЖЕТ ОСНОВАН НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ
РОМАН ПРОЧИТАЛ КАЖДЫЙ 100-Й ЖИТЕЛЬ ЯПОНИИ

INSPIRIA

Примечания

1

Цубо – японская мера площади. 1 цубо=3,3058 м².

[Вернуться](#)

2

Речь идет о периоде с 1986 по 1991 г., характеризовавшемся многократным ростом цен на рынке недвижимости и фондовом рынке, известном также как «экономика пузыря». Сдувание «пузыря» продолжалось более 10 лет, следствием которого стал продолжительный период экономической стагнации, называемый «потерянным десятилетием».

[Вернуться](#)

3

Номер 119 в Японии – это прямой номер службы экстренной помощи, позвонив на который, звонящий соединяется с пожарной бригадой и службами неотложной медицинской помощи.

[Вернуться](#)

4

Сёва (букв. «Просвещенный мир») – девиз правления императора Хирохито; период в истории Японии с 25 декабря 1926 г. по 7 января 1989 г. Этот период считается самым долгим в истории современной Японии.

[Вернуться](#)

5

Кадзами Синго (р. 1962) – японский актер и певец.

[Вернуться](#)

6

Фусими – район города Киото префектуры Киото.

[Вернуться](#)

7

Кансай – регион Западной Японии на о. Хонсю. Центр региона – префектура Киото. Всего здесь расположено семь префектур: Вакаяма, Киото, Мизэ, Нара, Осака, Сига, Хёго.

[Вернуться](#)

8

Хэйсэй – девиз правления японского императора Акихито; период в истории Японии с 8 января 1989 г. по 30 апреля 2019 г.

[Вернуться](#)

9

В японском языке есть выражение: «Хочу попросить помощи у кошки», что означает запредельную занятость.

[Вернуться](#)

10

Международный аэропорт Кансай расположен близ г. Осака.

[Вернуться](#)

11

Нагоя – четвертый по количеству населения город в Японии. Расположен между Киото на западе и Токио на востоке.

[Вернуться](#)

12

Кансайский диалект – охватывает группу родственных диалектов японского языка района Кансай. Среди прочих, к нему относятся диалект Киото и диалект Осаки. Является самым распространенным нестандартным диалектом японского языка.

[Вернуться](#)

13

Школьная система Японии состоит из начальной школы – 6 лет, средней – 3 года и старшей – 3 года.

[Вернуться](#)

14

– тян – аналог уменьшительно-ласкательных суффиксов в русском языке. В основном употребляется маленькими детьми, близкими подругами, взрослыми по отношению к детям.

[Вернуться](#)

15

Нанкинмати – китайский квартал в Кобэ. Кобэ – город в регионе Кансай, важный торговый и промышленный центр, один из главных портов Японии.

[Вернуться](#)

16

МИ-6 – секретная разведывательная служба МИДа Великобритании.

[Вернуться](#)

17

«Мужской стриптиз» («The Full Monty») – комедия 1997 г. (Великобритания, США); действие фильма происходит в Шеффилде.

[Вернуться](#)

18

«Нейшнл рейл» – коммерческое обозначение, используемое Ассоциацией железнодорожных транспортных компаний Великобритании в качестве общего названия для 20 частных пассажирских железнодорожных перевозчиков страны.

[Вернуться](#)

19

Сакё – городской район Киото.

[Вернуться](#)

20

Татами – японские напольные соломенные маты, а также мера площади, которая традиционно используется в Японии и учитывается при постройке дома (яп. дзё). Площадь татами – 90×180 см (1,62 м²).

[Вернуться](#)

21

– кун – более неформальный, чем «сан», именной суффикс. Используется людьми равного социального положения, при обращении старших к младшим, а также при обращении начальника к подчиненному.

[Вернуться](#)

22

Веджвуд – британская фирма по изготовлению прежде всего фаянсовой посуды, знаменитая торговая марка.

[Вернуться](#)

23

Тохоку – регион, расположенный на северо-востоке о. Хонсю.

[Вернуться](#)

24

Каварамати – район в Киото, расположенный на берегу р. Камогава.

[Вернуться](#)

25

Фусума – скользящая дверь-перегородка в виде обклеенной с двух сторон бумагой деревянной рамы, используется для деления большой комнаты васицу (комнаты в японском стиле) на отделы.

[Вернуться](#)

26

Независимо от места проведения встречи, японцы всегда стараются соблюсти установленные правила рассадки. По традиционной рассадке, как правило, почетным является место в центре, оно же – самое дальнее от входа.

[Вернуться](#)

27

Дзабутон – японская плоская подушка для сидения. Обычно используется для сидения на полу, но также ее используют, когда сидят на стуле.

[Вернуться](#)

28

В конце августа в Японии обычно еще стоит жаркая погода.

[Вернуться](#)

29

Сёдзи – раздвижные двери-перегородки, оклеенные полупрозрачной бумагой.

[Вернуться](#)

30

По-японски «тансин фунин» – длительная командировка в другой город с оставлением семьи в месте постоянного проживания.

[Вернуться](#)

31

Японские новые левые включали в себя наиболее радикальных представителей студенческого движения, выступавших против империалистической политики Японии и США, и поддерживали национально-освободительные движения стран третьего мира.

[Вернуться](#)

32

Ритуал курения ладана за упокой души умершего.

[Вернуться](#)

33

Инцидент с Асама Сансо был захватом заложников японской ультралевой организацией «Объединенная Красная армия» и осадой полицией горной хижины возле Каруидзавы в префектуре Нагано, которая длилась с 19 по 28 февраля 1972 г.

[Вернуться](#)

34

Юба – густая пенка кипяченого соевого молока с шелковистой структурой и мягким сладковатым вкусом; один из знаковых ингредиентов японской кухни.

[Вернуться](#)

35

Улица Нинэн-дзака (букв. «двухлетний склон») и прилегающая к ней Саннэн-дзака (букв. «трехлетний склон») образуют часть оживленного квартала, прямо напротив ворот храма Киёмидзу в Киото.

[Вернуться](#)

36

Сидарэдзакура – плакучая сакура; ее тонкие ветки, усыпанные цветами, свисают вниз наподобие ветвей плакучей ивы.

[Вернуться](#)

37

Отитай Хиромицу – профессиональный бейсболист, тренер, комментатор.

[Вернуться](#)

38

Хоум-ран (home run) – разновидность игровой ситуации в бейсболе, представляющая собой отбивание мяча (хит), во время которого мяч улетает за пределы игрового поля, а отбивающий и бегущие, находящиеся на базах, успевают совершить полный круг по

базам и попасть в дом. Хоум-раны являются одними из самых зрелищных и популярных моментов в бейсболе.

[Вернуться](#)

39

Химэдзи – центральный город Японии, расположенный на юго-западе о. Хонсю на побережье Внутреннего моря в префектуре Хёго региона Кансай.

[Вернуться](#)

40

Рыба с жареной картошкой – базовое блюдо английской кухни.

[Вернуться](#)

41

Амакудари (букв. «спуск с небес на землю») – процесс, посредством которого высшие японские чиновники получают высокие посты в частных и государственных компаниях после отставки с государственной службы. Здесь использовано в шутку.

[Вернуться](#)

42

Катакана – одна из двух (наряду с хираганой) графических форм японской слоговой азбуки. Для катаканы характерны короткие прямые линии и острые углы.

[Вернуться](#)

43

Кохай – те, кто моложе и находится в подчиненном положении в школе, компании и т. д. (ср. сэмпай).

[Вернуться](#)

44

Кабутотё – квартал в Токио, где находится Токийская фондовая биржа, поэтому, говоря о фондовой бирже, обычно используют название «Кабутотё».

[Вернуться](#)

45

Мадам Ян – героиня популярной рекламы готовой еды в Японии в 1980-х гг. Натори Юко – японская актриса, снимавшаяся в кино, сериалах и рекламе.

[Вернуться](#)

46

Курама – район к северу от Киото, имеющий большое культурно-историческое и культовое значение. Гора Курама считается священным местом – обителью Больших Тэнгу, горных духов, воспитавших лучших воинов Японии – например, Минамото Ёсицунэ.

[Вернуться](#)

47

Якинику – японские блюда из тонко нарезанного мяса (говядины и субпродуктов) и овощей, приготовленных при помощи решеток-

грилей. Посетители обычно сами готовят ингредиенты при помощи гриля, встроенного в стол.

[Вернуться](#)

48

Силы самообороны – современное название вооруженных сил Японии. Девятая статья Конституции Японии сильно ограничивает военную деятельность Сил самообороны, не связанную непосредственно с обороной страны.

[Вернуться](#)

49

Набэ – этим собирательным словом в Японии называют любое блюдо, которое готовят в одноименной кастрюле из самых разных ингредиентов. Кастрюля выставляется на стол на переносной газовой горелке, и все присутствующие принимают участие в трапезе. Особенно популярно холодной зимой. Сукияки и сябу-сябу – хорошо известные варианты приготовления набэ.

[Вернуться](#)

50

Сукияки – блюдо японской кухни, основным компонентом которого является тонко нарезанная мраморная говядина, а также тофу, грибы и овощи.

[Вернуться](#)

51

Конняку – растение, корни которого отмывают, высушивают и перемалывают в муку, служащую основным ингредиентом для приготовления лапши.

[Вернуться](#)

52

Го – логическая настольная игра с глубоким стратегическим содержанием, возникшая в Древнем Китае, по разным оценкам, от 2 до 5 тысяч лет назад. В XX в. распространилась по всему миру.

[Вернуться](#)

53

Мраморность мяса определяется жировыми прослойками, расположенными в куске мяса и мышечных волокнах. Особую текстуру и незабываемый вкус обеспечивают именно они.

[Вернуться](#)

54

Санномия – крупнейший торговый квартал Кобэ.

[Вернуться](#)

55

Сэнбэй – японские рисовые крекеры.

[Вернуться](#)

56

Гора Рокко – самая высокая точка горного хребта Рокко, находится недалеко от Кобэ и Осаки. Ночью с нее открывается захватывающий панорамный вид на Осацкий залив и город Кобэ, признанный одним из трех самых красивых ночных видов в Японии.

[Вернуться](#)

57

Идзакая – тип неформального питейного заведения, в котором посетители выпивают после окончания рабочего дня.

[Вернуться](#)

58

Котацу – покрытый одеялом низкий стол, под которым находится источник тепла. Иногда под котацу для удобства устраивают выемку, в которую опускают ноги. Такая разновидность называется хориготацу (котацу с выемкой).

[Вернуться](#)

59

«Оябун-кобун» – иерархическая система, где первый – условно отец, а второй – условно сын. По такому принципу свои неформальные отношения строят участники компаний, политических партий, общественных организаций и других объединений в Японии. Такие же отношения связывают членов мафиозных объединений якудза.

[Вернуться](#)

60

Гиндза, Акасака – кварталы в Токио, где располагается большое количество магазинов, ресторанов, баров и других увеселительных заведений.

[Вернуться](#)

61

Якудза – традиционная форма организованной преступности в Японии, группировки которой занимают лидирующее положение в криминальном мире страны.

[Вернуться](#)

62

Сётю (букв. «жженое вино») – японский крепкий спиртной напиток из риса, ржи и сладкого картофеля. Более крепкий, чем сакэ; обычно его крепость составляет 20–25 градусов.

[Вернуться](#)

63

«Цуцумотасэ» (*разг.*) – замужняя женщина, которая по уговору с мужем или по его принуждению заводит любовника, после чего муж угрозами вымогает у того деньги.

[Вернуться](#)

64

Куромэ – в переводе с японского «черные глаза».

[Вернуться](#)

65

В японском языке для обозначения термина «налоговое убежище» используется заимствование из английского языка. Английские слова «heaven» (рай) и «haven» (гавань) по-японски звучат похоже.

[Вернуться](#)

66

Патинко – игровой автомат, представляющий собой промежуточную форму между денежным игровым автоматом и вертикальным пинболом. Необычайно популярен в Японии.

[Вернуться](#)

67

Сэмпай – вышестоящие по статусу, должности или старшие в школе, компании и т. д. (ср. кохай).

[Вернуться](#)

68

Хитоцубаси – государственный университет в Токио, выпускниками которого являются многие японские политики и бизнесмены.

[Вернуться](#)

69

Якитория – закусочная, где подают якитори (блюда из кусочков курицы, поджаренных над углями на бамбуковых шампурах).

[Вернуться](#)

70

Лав-отель (отель любви) – разновидность гостиниц, в которых арендуются номера для свиданий. Оплата там обычно почасовая. Очень популярны в Японии.

[Вернуться](#)

71

Норен – традиционный японский занавес, который вешают для отделения пространства в комнате или как штору в дверном проеме или на окне. Обычно используется магазинами и ресторанами как средство защиты от солнца, ветра и пыли, а также в качестве своеобразного бренда. Норен, вывешенный на главном входе, показывает, что заведение открыто.

[Вернуться](#)

72

Борёкудан (досл. «насильственная группировка») – название для якудзы и ее отдельных группировок, часто встречающееся в литературе и прессе.

[Вернуться](#)

73

Тэппанъяки – стиль приготовления пищи, когда повар готовит продукты на широкой железной сковороде-тэппане рядом с обедающими людьми, после чего горячее блюдо сразу попадает в тарелки.

[Вернуться](#)

74

Дзасики – зал в японских ресторанах с татами, где посетители сидят на полу за низкими столиками.

[Вернуться](#)

75

Даси – традиционный японский бульон, основа многих блюд японской кухни, супов, соусов. Кацуо даси готовят из сушеных хлопьев тунца кацуобуси.

[Вернуться](#)

76

Гэта – японские деревянные сандалии в форме скамеечки, одинаковые для обеих ног. Придерживаются на ногах ремешками, проходящими между большим и вторым пальцами.

[Вернуться](#)

77

В Японии существуют две системы летоисчисления – международная и традиционная (счет лет по императорам), которая и поныне широко используется в повседневной жизни.

[Вернуться](#)

78

Ухо «цветной капусты» – состояние, при котором хрящ в наружном ухе становится бледным, сморщенным и деформированным, напоминая цветную капусту. Обычно развивается в результате травмы.

[Вернуться](#)

79

Новогодние открытки (яп. нэнгадзё) – традиционные поздравительные открытки в Японии. Отправляются всем родственникам, друзьям и коллегам. Каждая семья получает по 50–100 новогодних открыток.

[Вернуться](#)